

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2011 | май
интеллектуальный
диалог

БУДУЩЕЕ БУДЕТ: РОССИЯ

желаемое завтра ● стр. 2-16

ЭЛИТА ОТВЕЧАЕТ ЗА ОСТАЛЬНЫХ

Евгений Гонтмахер: ● стр. 3

«Россия слишком большая и разнообразная страна для простых рецептов (типа «бросить в воду, чтоб сами научились плавать»). Единственный пункт, который, как мне кажется, прост и бесспорен: будущее нашей страны в нашем человеческом потенциале».

ПРЕПОДАВАТЬ ДОЛЖНЫ ЛУЧШИЕ

Владимир Собкин: ● стр. 6

«Учитель два-три раза в год должен ходить в музей, ведь одна из главных функций школы — это сохранение культуры. Учитель, который не имеет доступа к культуре, не имеет возможности реализовать эту функцию. Должны быть льготы на посещение музеев».

КАТАПУЛЬТИРОВАТЬСЯ ВО ВРЕМЕНИ

Андрей Шалимов: ● стр. 13

«Не хватает терпеливых людей, которые готовы растить 10 лет проект на нашей суровой почве. Значительно проще устроиться менеджером, иметь стабильную тридцатку в месяц, чем 10 лет выращивать саженец. В это время как жить, на что?».

ПОСЛАНИЕ ОБЩЕСТВУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Сергей Лошаков: ● стр. 16

«Люди — пограничны: мы не видим ни в полной тьме, ни в абсолютном потоке света. Наша участь — постоянно «настраивать» калейдоскоп, маневрировать между крайностями, пробовать горькое, чтобы узнать вкус сладкого. Мы так устроены».

«У нас исторически всё время идут эти циклы: развал — а потом новая сборка. Потому что масса усилий приложена предыдущими поколениями, и они не пропадают зря. Ядро представлений есть. И оно подтверждается на уровне действий в рамках стратегии становления России как самостоятельного центра силы и экономики».

Эксперт СФ Андрей Бутенко
в политике государства
видит стройную и
последовательную систему

● стр. 8-9

Накануне лета мы решили выпустить «светлый номер». Номер мечты. А мечта — это будущее. Так тема сама собой приняла актуальный вид: различные стратегии движения к будущему дискутируются сегодня очень горячо.

Здесь кстати вспомнить высказанную ещё на заре перестройки поразительную мысль: если для нас идеал — сегодняшняя Америка, то

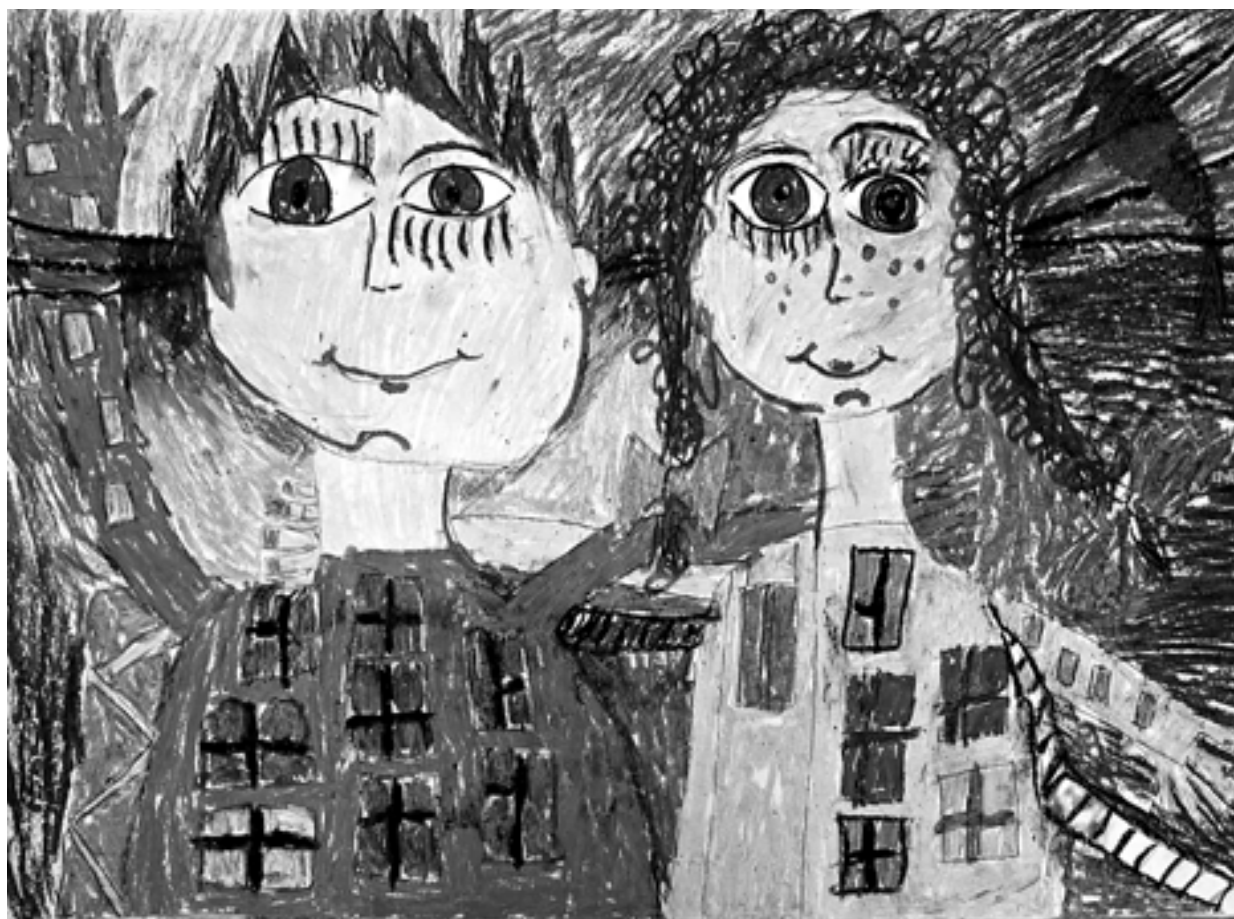
лет через 20 Россия будет иметь то, что Америка — 20 лет назад. Точно так, как сейчас мы получили все вожделенные атрибуты того западного «рая», которые поражали советского человека в 70-80-е годы. А мир опять уйдёт в отрыв.

Это говорит ровно о том, что образ мечты, образ светлого будущего напрямую определяет историческую перспективу. Хотим ли мы в 2030 году попасть в сегодняшнюю Америку?

Как-то это пахнет нафталином. А чего мы хотим — и лично для себя, и для своей страны? Диалоги сегодняшнего выпуска — вокруг этого.

А для начала — каким представляют будущее наши дети? Как видно, таким же, как его представляли дети 50 лет назад: связанным с космосом, со Вселенной, с иными галактиками. Может быть, и нам, взрослым, надо почаще смотреть в небо...

Дети рисуют будущее

Город роботов, Дарина АРИСТОВА, 11 лет

Пустыня будущего, Юлия МАКАРОВА, 13 лет

Новый год в космосе, Эмиль ХАЙРУЛИН, 12 лет

Космический сон,
Елизавета ИВАНИЦКАЯ, 13 лет

Космический город,
Ангелина ЮРОВА, 11 лет

Законодатели политических мод

Прогнозы, форсайты, стратегии сегодня становятся необходимым условием развития различных компаний и целых отраслей. Появились и стратегии развития всей страны, но до сих пор они не являлись предметом широкого общественного обсуждения. А вот доклады Института современного развития «Россия XXI века: образ желаемого завтра» (2010 г.) и «Обретение будущего. Стратегия 2012» (2011 г.) стали исключением, вызвав активный отклик. Возможно, потому что предложенная концепция содержит много спорного и при этом претендует стать идеологической платформой государственной политики на ближайшую перспективу.

Редактор СФ Валентина ЕФАНОВА связалась с одним из авторов обсуждаемых работ — доктором экономических наук, профессором, заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, членом правления Института современного развития Евгением ГОНТМАХЕРОМ, который согласился дать свои разъяснения читателям газеты Сибирского федерального университета.

В.Е.: Евгений Шлёмович, вопросы у меня несколько длинные, поскольку каждый из них затрагивает целый блок проблем. Но начнём с базовых тезисов. Называя два конкурентных преимущества России — ресурсы и человеческий капитал, вы настаиваете на необходимости уйти от сырьевой зависимости («слезть с нефтяной иглы», как говорят в СМИ). Таким образом, остаётся одно — человеческий капитал, ставку следует делать на него. Но! Расчёт на людей упирается в вопрос доверия граждан государству. Какими решениями, действиями это доверие вернуть, как завербовать российский человеческий капитал под знамёна любой заявленной концепции? Применять административный, силовой ресурс? Шоковую терапию? Это страна уже проходила. Надеяться на социальную катастрофу, которая заставит людей шевелиться (а такие упования звучат)?

Вторая «тайна» — технологии дальнейшей (после того, как «процесс пошёл») работы с людьми. Допустим, ситуация массовых сокращений неэффективных рабочих мест. Высвобождающиеся вроде как могут пойти в малый и средний бизнес (ресурс для осуществления модернизации). Но внятных траекторий ни для молодых, ни для пожилых здесь нет. Кстати, мы всегда говорим «они», предполагая, что есть «мы», которые соответствуют происходящим переменам, а есть те, над кем ещё надо произвести какие-то манипуляции. Может, лучше говорить — что нам с собой делать? Как себя переучивать, где искать для этого возможности, предоставит ли их государство? Допустим, вместо пособия по безработице — предложить на выбор обучение в престижном вузе (может, кто-то этим бы и воспользовался). Или — 2-3 месяца в году каждый работающий освобождался бы от трудовых обязанностей и вместо этого проходил повышение своей квалификации; глядишь, и результаты через 2-3 были бы другие.

Пока с человеческим капиталом у нас поступают одним способом — бросают в воду в надежде, что сам выплывет. Но в другой работе, где вы тоже в числе авторов (книга 2007 года «Коалиции для будущего»), приводится статистика взлёта смертности, выпадающей на такие периоды, когда человек должен «выплывать сам». И вообще — какие люди являются ресурсом будущего? Те 10-15% активных, пассионарных, которых всегда немного в любом обществе? Или — все? Но где место этим «всем»?

Е.Г.: Россия слишком большая и разнообразная страна для простых рецептов, типа «бро-

сать в воду, чтоб сами научились плавать» или, наоборот, «заняться благотворительностью из бюджета». Единственный пункт, который, как мне кажется, прост и бесспорен: будущее нашей страны в нашем человеческом потенциале. Но чтобы этот пункт хотя бы начать реализовывать, нужно понять разнообразие общества, в котором мы живём.

Просто изучить его по очень многим линиям — экономика домохозяйств, мотивации и ориентир, этно- и конфессиональные особенности и ещё очень многое. Естественно, что в результате (как я могу догадаться) мы получим несколько десятков очень своеобразных укладов жизни, которые могут сосуществовать и территориально, даже в одном многоквартирном доме. Там мы найдём и одинокую старушку, которая от нищеты и безысходности копается в помойке, и пьющую семейную пару с неприкаянными детьми, и молодых интеллигентов с мизерной зарплатой бюджетников, и мелкого собственника с доходами, позволяющими купить подержанный «Мерседес», и недавних мигрантов с Кавказа, и т.д., и т.п. В отношении каждой такой ситуации что-то нужно делать: кому-то просто налить тарелку супа, кому-то помочь найти другую работу... Это, в наших условиях, функция муниципалитета, у которого, правда, никогда нет денег; государства, которое далеко; и просто сердобольных людей (через НКО), у которых тоже негусто в кошельках.

Поэтому нужно оживить вот эту систему государственных и общественных институтов (а в их деятельности принимают участие как раз упомянутые 10-15% «пассионариев»), что возможно только через решительные реформы. Как это сделать — отдельная большая тема. Но, перескакивая к желаемому итогу: в случае успеха «пассионарии» должны нести особую ответственность за положение остальных — вплоть до самой опустившейся старушки.

В этом и есть предназначение элиты, понимаемой мной в смысле слоя общественно неравнодушных людей как во власти, так и вне её. Если эта элита будет действовать честно и открыто, то проблемы с доверием к ней у остального народа не возникнет.

А если говорить о высвобождаемых с производства работниках, то здесь надо использовать только персонифицированные, поддерживаемые государством схемы помощи, формы которой должны быть очень разнообразными.

В.Е.: Мне кажется, вопрос доверия к власти — стартовый, без него любые призывы и начинания будут падать в пустоту. Нужны знаковые действия государства (как введение налога на сверхбогатых или изменение статуса учителя), которые сигнализировали бы именно не о «театрализации политики и балагане пиара», а о намерении и силе реально улучшить ситуацию. О таких частных вещах, как сокращение числа мигалок, у вас говорится, а о том, что имело бы в потенциале неизмеримо больший эффект — нет. Какие меры могли бы радикально из-

менить ситуацию (и с доверием населения, и с социальными гарантиями) в короткое время?

Е.Г.: Согласен с тем, что доверие к власти — это самое главное условие для успеха. Что касается конкретных мер, с которых надо начинать, то это, конечно, не только «мигалки». Нужны более системные вещи. Например, полное изменение информационной политики наших федеральных телеканалов, через которые пока ещё преобладающая часть нашего общества черпает информацию. Я, кстати, уже давно не смотрю телевизор, а пользуюсь Интернетом. Так вот: вместо пропаганды в духе застойных брежневских времён надо, во-первых, показать реальный масштаб тех вызовов, которые стоят перед Россией (а он огромный), и, во-вторых, начать публичную дискуссию, в т.ч. и с участием «первых лиц», о том, что нам делать.

Ещё очень важный момент: реформа государства. Во-первых, надо освободить этот институт от множества «хлебных» функций, типа техосмотра автомобилей, о чём недавно сказал Дмитрий МЕДВЕДЕВ. Во-вторых, нужно децентрализовать оставшиеся функции в пользу регионов и муниципалитетов. В-третьих, надо строжайшим образом карать за вмешательство любых органов и ветвей власти в работу судов...

В.Е.: Один из тезисов — необходимость реиндустриализации постиндустриальной эпохи. Какие именно производства вы считаете необходимым или возможно развивать в России? Из прозвучавшего в докладе — Россия могла бы стать гарантом продовольственной безопасности мира (т.е. поднимать сельское хозяйство?) + заповедная зона (экология). Что ещё?

Е.Г.: Наше естественное преимущество — нефть и газ. Только надо не просто их заливать в трубу, которая тянется в Европу, а перерабатывать. Т.е. речь идёт о нефтегазохимии как о станомом хребте (и в территориальном смысле тоже) российской экономики. Затем, действительно, идёт приоритет высокотехнологического и малолудного сельского хозяйства, в основном, пригородного типа. И третье — туризм и рекреация. Естественно, что надо развивать и относительно небольшие (с точки зрения занятости) другие приоритеты, для которых есть объективные предпосылки, — металлургия и металлообработка, производство электроэнергии, IT и т.п.

В.Е.: Есть противоречие в том, что авторитарные действия называются главным тормозом обновления, стимулируется создание экономики, в которую не внедряются инновации, а она сама их генерирует... И при этом — ставка на реформы, изменения сверху, которые ещё должны быть кадрово обеспечены. Где взять эти кадры? Говорится о том, что следует сделать с вузами, со школами, — но непонятно, что требуется сделать с самой властью (кроме того, что ей нужен приток свежих оппозиционных сил).

Е.Г.: Главный тормоз модернизации страны — государство. И дело не только в конкретных людях, а в системе, когда государство контролирует (прямо или косвенно) более 60% экономики, а по многим пунктам мы имеем просто сращивание власти и бизнеса (посмотрите декларации о доходах некото-

рых чиновников и депутатов). Что делать?

Я надеюсь на здравый смысл какой-то, видимо, небольшой, части тех, кто внутри этого государства.

Чтобы избежать разрушительных катаклизмов (например, очередной революции), эти люди начнут процесс реформы государства изнутри, опираясь, естественно, на максимально широкий круг тех, кто «извне» (вспомним об уже упоминавшихся 10-15% населения, кого можно отнести к «пассионариям»). Этот слой, кстати, мог бы стать и питательной средой для новых кадров чиновников.

В ходе этой реформы государство должно, во-первых, перестать быть крупнейшим инвестором и собственником; во-вторых, стать мощным регулятором (налоги, внешнеторговые режимы и т.п.); в-третьих, наконец, озаботиться нашей личной безопасностью; в-четвёртых (last but not least), проводить мощную социальную политику. И ещё один важнейший момент: государство должно децентрализоваться, отдав многие из своих функций в регионы и местному самоуправлению, общественным и саморегулируемым организациям.

всего через телевидение) всё это подогревает. Мотивы, правда, поменялись. Если в советское время антизападничество было призвано укреплять некую идеологию советского мессианства (чем это закончилось — хорошо известно), то сейчас этот жуел вытаскивается, только исходя из сугубо конкретных целей — например, что-то выторговать у того же Запада, блефуя нашей мощью и якобы поддержкой народа...

При этом все, кто может, в том числе и из властной элиты, обучают детей на Западе, перевозят туда свои семьи и капиталы, при случае и получая соответствующие паспорта.

Конечно, современный мир не менее сложен, чем это было 20 лет назад: куча конфликтов, в т.ч. и вооружённых, терроризм, массовая бедность, экономический кризис. В этих условиях мы должны искать стратегических союзников, а не изображать из себя сверхдержаву, от которой на самом деле уже ничего не осталось. А этим стратегическим выбором для нас является только европейский (в широком смысле этого понятия) путь развития — и в экономике, и в политике, в т.ч. внешней. Об этом, кстати, Владимир ПУТИН заявил, выступая на немецком языке в немецком бундестаге ещё в 2000-м году. Поэтому какую-то конфигурацию партнёрских отношений, в частности, с НАТО, надо искать, хотя это процесс долгий и трудный.

В.Е.: Лично мне симпатичен тезис о «гуманитарных инновациях», призванных формировать новые потребности. Можете ли вы привести пример из опыта развитых стран, где такие инновации запустили новые процессы и сформировали новые потребности?

Е.Г.: Гуманитарные инновации — это новые формы самоорганизации людей. Сейчас такие возможности даёт, в первую очередь, Интернет. Это самые разнообразные сообщества, блоггерство как новая форма журналистики, фактически начавшийся переход к прямой демократии.

Ещё один важный пример: новые формы обучения. Вместо средневекового уклада (лектор — аудитория — ученики) формируется дистанционное обучение не только для инвалидов, но и для подавляющей части студентов (а скоро и старшеклассников). На смену коллективному разучиванию и заучиванию приходит индивидуальное общение, самостоятельная работа и проведение совместных игр, моделирования ситуаций.

Нарастает и потребность в экологичности собственного поведения: сбережения энергии и ресурсов не только из-за материальной выгоды, но и благодаря осознанию неразрывной связи между окружающей природной средой и человеком как биосоциальным (а не только социальным) явлением.

Список могу продолжить.

В.Е.: Образ — понятие цельное и художественное. Как вы бы описали ту Россию желаемого завтра именно через образ, а не цифры средней зарплаты и отчисления на здравоохранение?

Е.Г.: Образ очень простой. Это страна, где подавляющая часть людей улыбается друг другу, находится в состоянии душевного спокойствия, равновесия с обществом и природой, потому что не борется за každодневное выживание. И всё это покоится на базе демократии и рыночной экономики, где человек при желании участвует в решении любых вопросов (от местных до общенациональных), где практически любое рабочее место в обмен на добросовестный труд даёт достойную зарплату.

В.Е.: И последнее: что конкретно надо делать уже сейчас а) государству; б) общественным институтам; в) каждому на своём месте?

Е.Г.: О том, что надо делать государству (реформа и информационная политика), я уже сказал выше. Общественным институтам надо перестать бояться того, что их закроют или накажут. А каждому на своём месте — соизмерять свои действия с совестью и болей не только за собственное благополучие, но и за успех всей страны. Самое плохое — опустить руки, впасть в депрессию и не верить в успех.

«Младенцы» у штурвала «Титаника»

На днях, через 99 лет после гибели «Титаника», решил пересмотреть знаменитый киношедевр Джеймса КЭМЕРОНА и с удивлением обнаружил, что этот снятый 14 лет назад фильм одновременно со мной на одном только русскоязычном сайте просматривают 47.327 человек. Почему «Титаник» так притягателен? В истории судоходства были и более трагичные катастрофы с большим числом жертв...

Может быть, потому что «Титаник» — этакий аналог современной цивилизации? I класс — «правящая элита», II класс — «эффктивные менеджеры», III класс — «электорат»... И погубила «Титаник», вопреки первоначальному мнению, не природа или стихия в виде айсберга, а пресловутый «человеческий фактор».

А куда плывёт в пространстве и времени наш обшй «большой Титаник» — планета Земля? Об этом мне довелось поговорить с человеком, которого организаторы молодёжной школы развития «НooГен» называли специалистом по возникновению Вселенной. Знакомьтесь — доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Института биофизики СО РАН Сергей БАРЦЕВ.

— **Нынешний год в России объявлен Годом космонавтики. Поговорили об этом, назвали космический корабль именем Юрия ГАГАРИНА, обеспечили трансляцию его старта... И всё?**

— И всё! Ну, ещё радость за то, что наш День космонавтики с этого года стал международным праздником. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 12 апреля Международным днём полёта человека в космос.

— **Получается, интерес широкой аудитории к познанию Вселенной исчез?**

— Не исчез! Это, к сожалению, у нас такая чисто российская ситуация. В Великобритании недавно провели опрос: «Каких знаменитых людей вы знаете?» Стивен ХОКИНГ — известный математик, физик, который занимается космологией, космогонией — попал в первую десятку самых известных людей. И старшее поколение, и молодёжь читают его научно-популярные книги о происхождении Вселенной, о времени. ТАМ — читают! А у нас какой-то странный перекос, деградация интереса к естественным наукам. Рынок этому не способствует, ведь денег это непосредственно не приносит.

— **А может, просто освоение космоса низвели до сферы услуг? Мы запускаем ракеты не для полёта к другим звёздам, а для телевизионной трансляции «Фабрики звёзд». В космос теперь можно слетать как в Турцию — туристом! Но мне почему-то кажется, что ЦИОЛКОВСКИЙ, КОРОЛЁВ и другие первопроходцы изучения космического пространства мечтали не об этом...**

— Конечно! Есть фильмы BBC и Discovery, в которых показывают дальние планеты, обсуждают происхождение жизни. Это явно выходит за рамки телекоммуникаций на низких орбитах. Я был в США, Франции, Японии, Германии — там днём по многим каналам идут познавательные передачи. Например, в Японии (уж на что технологически развита страна!) я видел, как по телевизору наглядно разъясняют магнитную запись звука. Ведущие предварительно продемонстрировали эффекты электромагнитной индукции и намагничивания. Затем взяли кусок магнитофонной ленты, объяснили, как она устроена, и вручную протянули её мимо магнитной головки, на которую поступал сигнал с микрофона; потом протянули её снова и воспроизвели звук. После этого даже ребёнок становится понятным, КАК это работает в звукозаписывающих устройствах. До самого вечера там показывают, ОТКУДА всё происходит, КАК всё делается.

Посмотрите в наших магазинах книги научно-популярные — в основном, это переводы американских изданий. Поэтому, когда кто-то захочет почи-

тать про освоение космоса, он в первую очередь узнает про программу «Спейс шаттл», «Сатурн 5» и лунную программу США. О том, что сделала наша страна, написано совсем немного. И это естественно - ведь это американские, а не российские книги!

— **Наши СМИ и наши юмористы, наоборот, убеждают, что за рубежом люди не знают, что происходит и почему — им достаточно соображать, когда нажимать кнопки «start» и «stop»... Апологеты нынешних реформ в российском образовании стремятся нашу молодёжь сделать как раз такой. Переход от школы знаний к школе так называемых компетенций объясняют тем, что важнее знать, КАК делать, нежели, ЧТО делать.**

— Вспомните высказывание министра образования Андрея ФУРСЕНКО на молодёжном форуме «Селигер-2007»: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицирован-

↑ €360 млн заплатил за свою 160-метровую яхту «Eclipse» («Затмение») российский миллиардер Роман Абрамович.

→ \$200 млн на строительство исследовательского комплекса «Biosphere-2» в Аризоне выделил американский миллиардер Эдвард Басс.

но пользоваться результатами творчества других» (www.smolin.ru/duma/audition/2008-03-05.htm). Это говорит министр образования. Если государству сейчас и в будущем не нужны творцы, то в наше время стремительно развивающихся технологий оно автоматически превратится в сырьевой придаток технологически развитых стран, если вообще останется независимым. Школьное и высшее образование в принципе не могут быть услугой. Предоставление образовательных услуг означает, что родители либо знают стратегические планы правительства, либо сами способны прогнозировать будущее государственной и мировой экономики. Абсурд!

— **11 лет назад вы с коллегами представили концепцию «Космического странника» — пилотируемого комплекса для исследования дальних планет. Может ли человечество объединить усилия для решения глобальных задач?**

— Это зависит от того, как люди воспринимают мир. Например, толщина твёрдой земной коры по сравнению со всей Землёй — как кожау аблока всего-навсего. А внутри расплавленная магма! И мы по этой тонкой поверхности ходим! Когда начинаешь понимать масштабы Вселенной, масштабы сил, которые в ней действуют, становится понятным, что наши внутренние проблемы — они, конечно, важны для выживания, но, тем не менее, есть некая довлеющая внешняя сила, которая может всё просто пресечь напрочь!

Выяснилось, например, что астеронды пересекают орбиту Земли регулярно, чуть ли не каждый год. Другое дело, что их траектории в последнее время не совпадали с траекторией нашей планеты. А астероидная атака, если астероид достаточно крупный, означает вообще прекращение высокоорганизованной жизни! По одной из версий именно так вымерли динозавры. Но у них не было шансов на спасение, они даже в небо особо не смотрели, занимались выживанием. Сейчас этим же, к сожален-

нию, большая часть населения Земли занимается.

— **Получается, мы недалеко ушли от динозавров?**

— Но у нас есть возможность, потенциал, есть технологии. Я очень рад, что сейчас появились научно-популярные и художественные фильмы о возможных угрозах цивилизации. По крайней мере, с астероидной атакой человечество в принципе может справиться. Для этого и нужно развивать космическую технику, причём не ближнего прицела — орбитальную, а дальнюю. «Космический странник», о котором мы тогда писали, — один из элементов системы освоения дальнего космоса для того, чтобы контролировать ситуацию в окрестностях Земли и на дальних подступах в районе орбит Марса, Юпитера с точки зрения выживания человечества.

— **Одним из главных элементов «Космического странника» является система жизнеобеспечения экипажа. Сейчас не многие красноярцы знают, что с 60-х годов прошлого века именно наши учёные вели успешные работы по моделированию замкнутых биосистем**

для обеспечения жизни человека в экстремальных условиях — в космосе и под водой.

— Это был секретный проект. Работы по нему начались в первой половине 60-х по заказу «отца советской космонавтики» Сергея КОРОЛЁВА. Вершина этих исследований — БИОС-3, созданный в 70-е годы красноярскими учёными. Это был своего рода прототип лунной базы. Исследователям удалось достичь полной автономности по обеспечению экипажа водой и кислородом и 80% — по обеспечению пищи.

И до сих пор этот результат никем не превзойдён. Шесть месяцев экипаж из трёх человек был связан с внешним миром только телефонной связью. Если бы в этой замкнутой биосистеме не была достигнута высокая степень замыкания потоков, экипаж смог бы прожить там не более трёх суток.

— **Американцы нечто подобное пытались сделать в 90-е годы...**

— У них было разработано несколько систем жизнеобеспечения. Одна из наиболее известных — «Биосфера-2», занимавшая около четверти гектара. В эту систему поселили экипаж из 8 человек. Сначала там снизилось содержание кислорода, и его пришлось подкачивать извне, затем начала повышаться концентрация углекислого газа. Из-за этих изменений вымерли некоторые виды организмов, необходимые для нормального существования биологического сообщества. Погибли, например, опылители растений — колибри и пчёлы. Экосистемный баланс был нарушен, и стали усиленно размножаться нежелательные с точки зрения жизнеобеспечения виды организмов — тараканы, нематоды, клещи. Тем не менее, несмотря на очевидный неуспех эксперимента, он имел огромное значение, поскольку показал, что биосфера устроена весьма сложно, и наших современных представителей о её устройстве недостаточно, чтобы чувствовать себя на Земле уверенно.

— **Лица, принимающие реше-**

ния, должны осознать важность и неотложность проблемы изучения и сохранения земной биосферы.

— **А может, человечество уже прошло «точку невозврата» в деле разрушения биосферы Земли? Или мы не упустили шанс на спасение?**

— Знаете, ситуация неопределённая. Сейчас наблюдается глобальное потепление. Построено много математических моделей с большим количеством параметров, которые всегда оцениваются с некоторой погрешностью — иначе не получается. Это приводит к тому, что веер возможных вариантов развития событий очень широк. В биосфере и в климате существует множество положительных обратных связей. Вот некоторые из них.

Повышается глобальная поверхностная температура Земли. Растворённый в океане углекислый газ начинает выделяться. Это закон физики: с увеличением температуры растворимость газа в жидкостях падает. Увеличивается парниковый эффект, повышается температура — и опять по кругу...

↑ Макет БИОС-3

Другой пример — альbedo, коэффициент отражения света земной поверхностью. Там, где почва открыта, солнечный свет поглощается, а там, где лежит снег, он отражается обратно в космос. С повышением температуры граница снежного покрова отодвигается к северу и югу соответственно. В результате поглощение тепла увеличивается, что приводит к повышению температуры и дальнейшему сокращению площади снежного покрова.

Ещё один пример. В почве находится большое количество органики. С повышением температуры «дыхание почв», т.е. разложение органики в почве, увеличивается, в результате выделяется углекислый газ, который приводит к парниковому эффекту и дальнейшему повышению температуры.

В большинстве математических моделей эти положительные обратные связи не учитываются. Согласно этим моделям, если мы прекратим сжигать ископаемые топлива (нефть, газ, уголь), система потихонечку вернётся в исходное состояние. Мы занялись вопросом, как повлияет наличие положительных обратных связей на эту динамику. И оказалось, что действительно есть «точка необратимости». Если мы перейдём эту границу, то потом можем полностью прекратить сжигание ископаемых топлив, а температура будет продолжать расти, и затем начнётся лавинный процесс. Повышение температуры — органика из почв выходит, из океана углекислый газ выходит, границы снежного покрова сдвигаются к полюсам и вообще исчезают — ну, и так далее... Т.е. начиная с какого-то момента мы уже на процесс не влияем! Есть такой вариант развития биосферной динамики...

— **Когда паковать чемоданы?**

— Нет, убегать не надо. Бегство на Марс потребует гораздо больше ресурсов, чем наведение порядка на Земле. Но с прагматической точки зрения сохранения человеческого рода, сохранения цивилизации нужно предпринимать действия уже сейчас, потому что ставки в этой

игре гигантские. Если взяться за ум и предпринимать определённые меры — точно хуже не будет! Что за меры? Сокращение сжигания топлив, переход на ресурсосберегающие технологии... Отказ от рынка, между прочим! Рынок выступает как мощнейший антиэкологический фактор, он постоянно требует новых ресурсов. Производитель заинтересован в том, чтобы его товар купили, но одновременно в его интересах, чтобы этот товар просуществовал недолго, и потребность в нём возникла вновь. Поэтому каждый сезон — новая мода, поэтому списывают автомобили, которые якобы морально устарели.

Если перейти на берегающие технологии, то мы тем самым ресурсы сохраним для следующих поколений и уменьшим нагрузку на планету. И даже если в реальности прогнозы катастрофических изменений в биосфере окажутся ошибочным, мы всё равно останемся в выигрыше потому, что сохраним среду, научимся жить, не оказывая негативного воздействия на природу. Вот только как убедить в этом людей, стоящих у власти и при деньгах? Как убедить их в том, что в случае катастрофы деньги им не понадобятся? В подземных убежищах не спасёшься!

— **Как быть человеку, который сердцем — с экологами, а по жизни — работник предприятия, с выбросами которого экологи борются?**

— Вы коснулись важнейшей коллизии: был ли хоть когда-нибудь человек в гармонии с природой? Что такое «жить в гармонии с природой»? Есть определённый трофический уровень, экологические ниши, вид какой-то. Он кого-то ест, его помаленьку едят, численность остаётся примерно постоянной. Это и есть гармония с природой, равновесие определённое. Как только человек стал расширять свои возможности, используя орудия труда, огонь, он стал расширять свою эконошину, нарушать равновесие и гармонию природы. С первых шагов.

Человек никогда не был в гармонии с природой, потому что начал создавать искусственную среду вокруг себя. И сейчас мы находимся в своего рода ловушке. Нам для жизни необходима эта инфраструктура, в Сибирь мы вообще не выживем без ТЭЦ, толстых стен, окон и т.п. А с другой стороны, нам нужна здоровая чистая среда: чтобы воду можно было пить, воздухом дышать, по лесу прогуляться. «Занулить» воздействие на природу мы не сможем — для этого нам нужно просто исчезнуть с лица Земли. Но можем уменьшить негативное влияние до неких пороговых величин, когда экосистема сможет сама восстанавливаться.

А ответ на ваш вопрос следующий: глупо единолично отказываться от использования достижений цивилизации — человек теряет мобильность, а порой и саму возможность нормального существования. Важно не закрывать нужное предприятие, а, работая на нём, пользуясь автомобилем, самолетом и т.п. — способствовать переходу на экологически менее вредные технологии.

— **Что должно произойти с людьми, чтобы они перестали заниматься самоуничтожением?**

— Есть два основных инстинкта: самосохранения и продолжения рода. Их можно использовать! Инстинкты — вещь серьёзная. Другое дело, что это нужно организовывать. Чтобы решать экологические проблемы, связанные с глобальными кризисами, людям необходимо иметь некоторые ценности, находящиеся за пределами их личной жизни. Ценности вроде выживания рода, выживания детей, внуков и т.д.

В былые годы у дворян, например, была ответственность перед своим родом — предками и потомками. Она давала возможность думать на больших дистанциях и принимать правильные решения. Вот чему в первую очередь надо учить! А у нас? «Бери от жизни всё! Вливайся!» Фактически это МЫШЛЕНИЕ МЛАДЕНЦА — ориентация исключительно на то, что он видит здесь и сейчас.

Но, тем не менее, я считаю, что нет неразрешимых проблем! Есть сложно разрешаемые проблемы.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Дожить до внуков

Можно сколько угодно планировать будущее, говорить и мечтать о нём. Это интересно и приятно. У нас в России даже завелась традиция — жертвовать своим настоящим ради будущего детей, внуков и правнуков. И так из года в год, из поколения в поколение. А можно ли предусмотреть будущее и для самого себя? Чтобы жить активно и счастливо до глубокой старости. Как японцы. Правда, в России думать о старости особого смысла нет — среднестатистический мужчина у нас не дотягивает до пенсионного возраста. Поэтому живём мы, не думая о себе, в нездоровый образ жизни ныряем с головой ещё подростками, а если приведётся дожить до старости — то оказываемся такими развалинами, что ни сил посмотреть мир, ни потенциала, который можно реализовать на пенсионном досуге, уже не остаётся.

Какие факторы позволяют одним жить достаточно долго и активно, а другим уходить рано? Можно ли повысить продолжительность жизни «указом» президента (в последнем послании Д. Медведев такую задачу поставил)? В Красноярске над этими проблемами уже много лет работает НИИ медицинских проблем Севера Российской академии медицинских наук (РАМН). Сегодня его директор, член-корреспондент РАМН, академик Российской академии естественных наук Валерий МАНЧУК отвечает на вопросы СФ.

— Валерий Тимофеевич, **положа руку на сердце, можно ли распоряжением «сверху» повысить продолжительность жизни?**

— Вы знаете, можно. Я бы даже сказал, такое «указание» необходимо для того, чтобы эта самая продолжительность начала расти. Конечно, если намерение не будет подкреплено реальными делами, смысла в этом немного. Но если власть начнёт предпринимать серьёзные шаги в этом направлении, сдвиги в лучшую сторону обязательно будут. Я очень рад, что понимание этого на самом «верху» есть. Ведь именно показать продолжительности жизни является определяющим, когда мы говорим об уровне развитости того или иного государства, о качестве жизни.

— **А средняя заработная плата, ВВП?**

— Это, конечно, тоже. Но всё-таки это относительные показатели, их можно подогнать, где-то слукавить. Многое, как вы понимаете, зависит от соотношения доходов и цен на основные товары и продукты. Там, где выше зарплата, выше и цены, и наоборот. Соотношение посчитать довольно сложно. А тут всё ясно и честно. Если в одной стране продолжительность жизни 80 лет, а в другой — 60, то остальное уже не имеет значения.

— **Какие факторы в большей степени влияют на долголетие? Генетическая предрасположенность? Экология? Уровень медицины? Образ жизни индивидума?**

— Вы практически сами перечислили все факторы. А вот какие больше, а какие меньше — вопрос, скорее, риторический. Всё влияет. И социальные факторы, и физиологические. Очень многое зависит от качества воды, которую мы пьём, от её молекулярного состава, от пищи. Проблему продолжительности жизни медицинская наука рассматривает и на клеточном, и на молекулярном уровне. Если бы сумели выработать какой-то единый для всех универсальный рецепт долголетия... Но это невозможно — движение в этом направлении, по сути дела, бесконечный процесс.

— **Я так понимаю, двигаться есть куда? По средней продолжительности жизни мы серьёзно уступаем многим государствам мира.**

— Да, к сожалению, пока по этому показателю мы находимся во второй сотне государств. Сегодня в 11 странах мира средняя продолжительность жизни превышает 80 лет, в более чем ста — 70. У нас она составляет около 69 лет, причём среднестатистический мужчина едва дотягивает до пенсионного возраста. Правда, надо заметить, в последние годы показатели возросли.

— **Если судить по тому, какие страны расположились в верхней части таблицы — Япония, Швеция, Норвегия — похоже, уровень доходов населения играет определяющую роль в продолжительности жизни?**

— Спорить не буду, уровень доходов населения на среднюю продолжительность жизни оказывает огромное влияние. Но всё же количество дензнаков на

счёту человека ещё не гарантирует долгую жизнь. Финансы можно тратить как на укрепление своего здоровья, так и на развлечения и продукты, это здоровье разрушающие.

Вот, например, в Чили ВВП на душу населения сопоставим с нашим — около 14 тысяч долларов. А средняя продолжительность жизни на 11 лет больше. Грузия беднее нас в три с половиной раза, там ВВП около четырёх тысяч на человека, а продолжительность жизни выше на восемь лет. Так что дело не только в доходах...

— **А в чём?**

— Говорят, на могильном камне одного древнегреческого мудреца, прожившего больше ста лет, была такая эпитафия: «Он не переедал». Я боюсь показаться банальным, но главный секрет прост: здоровая пища, физкультура, умеренность и отказ от вредных привычек.

— **Ну, это слишком просто. Есть же ещё наследственные факторы?**

— Смотря что понимать под этим. Если брать тяжёлые наследственные патологии, когда человек уже рождается инвалидом... Тут, конечно, перед врачами да и перед обществом в целом на первый план выступают несколько иные задачи: сделать жизнь такого человека качественней, максимально снизить физические страдания и по возможности продлить её, конечно... Если же говорить о так называемых наследственных факторах, то тут исключений почти нет — у каждого из нас есть, к сожалению, врождённая склонность к тем или иным заболеваниям... Кто-то из ваших родителей, дедушек-бабушек страдал излишней тучностью? Значит, вам придётся тщательно следить за своим питанием, весом, и тогда вы сможете убежать от этой проблемы... Вы знаете, что в силу наследственных факторов у вас велик риск возникновения онкологического заболевания, диабета, гипертонии? Не надо относиться к этому фатально — предупреждён, значит, вооружён. Нужно исключить вредные привычки, провоцирующие возникновение этих патологий, своевременно обследоваться.

— **А климатические условия? Страны, где самая высокая продолжительность жизни, расположены у моря...**

— Такой фактор тоже, конечно, влияет. Но сейчас эта проблема легко решается — морепродукты доступны и у нас... А самая высокая продолжительность жизни не в Японии, а в маленькой горной стране — Андорре, не имеющей доступа к морю. Помните легендарное кавказское долголетие?

Да и у нас, в Сибири, немало долгожителей. Например, мой прадед прожил здесь, в Абане, 104 года.

Его сослали сюда ещё в XIX веке из Тамбовской области как бунтовщика. Дедушка Марк своими руками построил дом на берегу большого пруда, с которого он и жил, собственно говоря, — у него была лодка и сети, рыба не переводилась на столе. А ещё

он столярничал. Я хорошо его помню: он был набожным человеком, сторонился колхоза, вёл трезвую, размеренную жизнь. Я и сам вырос в сибирской деревне, начинал свою карьеру врача в сельской больнице и могу с уверенностью сказать, что большая часть ушедших до срока моих земляков умерли отнюдь не от наследственных болезней.

— **Действительно, на селе пьют много. Но зато там чистый воздух, продукты свои, без пестицидов и гормонов. Почему же в городе, как уверяют статистики, живут дольше? Ведь горожане тоже повальной трезвостью и воздержанием от табака не отличаются?**

— Да, сельский человек ближе к природе, он не дышит промышленными выбросами, больше работает физически. Но зато современный горожанин больше стал задумываться о своём здоровье. Вы посмотрите — фитнес-клубы, тренажёрные залы, бассейны, частные клиники и профилактории растут как грибы и не пустуют. Если говорить о вредных привычках, то на селе они приобретают поистине пагубный характер — зачастую здесь люди пьют суррогатные алкогольные напитки, курят самые дешёвые папиросы... Тра-

диционно на селе очень много едят мясной, жирной пищи. Конечно, сказывается и более низкий уровень медицинского обслуживания в глубинке... Но всё-таки, я настаиваю, прежде всего на продолжительность жизни влияет внутренний настрой человека и его отношение к самому себе, своему собственному организму. Крепкие хозяева в деревнях, не увлекающиеся спиртным и не курящие, живут, как правило, долго и меньше, чем горожане, страдают различными сердечно-сосудистыми заболеваниями...

— **Что ещё способствует увеличению продолжительности жизни?**

— Хорошее, полезное увлечение. Пенсионеры, имеющие дачи, живут дольше. Пребывание на свежем воздухе, физическая нагрузка, положительные эмоции, употребление в пищу овощей без нитратов... Меньше страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями собаководы — четвероногий друг вынуждает совершать ежедневный моцион, дарит массу положительных эмоций... Вообще, позитивный, правильный настрой на жизнь очень важен, вера — она помогает человеку жить более долгой и полноценной жизнью.

— **Бог помогает?**

— Не стоит, я думаю, вторгаться глубоко в эти сферы, всё-таки я здесь исключительно как учёный-медик говорю. С точки зрения же медицинской науки польза от религии в следующем: во-первых, это продуманная, выверенная веками система питания; посты по сути дела — та

же диета, позволяющая человеку сохранить хорошую физическую форму, избавиться от лишнего веса... Более того, «сидя на диету», человек порой испытывает стресс, принуждая себя отказываться от каких-то привычных ему вкусных вещей. На пост же человек идёт осознанно, это всё происходит по-другому. Моральный аспект, связанный с религиозностью человека, также, безусловно, играет позитивную роль. Вера учит людей избавляться от зависти, гордыни, а ведь именно эти чувства вызывают у человека стресс, который в свою очередь пагубно сказывается на здоровье. Кроме того, верующие, как правило, воздерживаются от спиртного и табака...

— **Сейчас много говорят о конкретных продуктах, которые мы употребляем в пищу, о том, как питание влияет на здоровье. Можете дать какие-либо рекомендации по этому поводу?**

— Это тема отдельной большой беседы, но если коротко, то главное — делать упор на местные продукты. И дело не в квасном патриотизме. Когда говорят, что мы состоим из того, что едим — это не красивые слов, это сущая правда. Че-

лит в Туве. Сейчас там запущен завод по производству йодированной соли для скота. Вообще, нам нужно проводить йодопрфилактику, особенно на стадии планирования ребёнка и при его развитии. Каждый хотя бы раз в неделю должен употреблять морепродукты и морскую капусту, обязательно пользоваться йодированной солью.

— **А питьевая вода — насколько её состав влияет на продолжительность жизни? В частности, какая она у нас?**

— В этом отношении Красноярцам сильно повезло. Химический состав водопроводной воды у нас близок к идеальному. Дело в том, что водозаборы построены на островах — Татышев, Отдыха, Посадный, Большой Казачий... Все они представляют собой образования из гравийно-песчаной смеси. Лучшего фильтра не придумаешь. Рекомендация одна — перед тем, как употреблять водопроводную воду, дать ей немного протечь, чтобы ушло то, что застоялось в трубах. И главное пожелание нашим властям — беречь енисейские острова как зеницу ока, по возможности не застраивать их. Ведь вся жидкость, которая на этих островах попадает в почву, оказывается в итоге в наших кранах. Максимум, что может быть на островах — спортивные сооружения, места отдыха... Они должны быть свободны от жилых кварталов, автомоек и уж тем более от промышленных построек.

— **Вам буквально на днях исполнился семьдесят, вы продолжаете руководить таким солидным, крупным учреждением. Выглядите моложе своих лет. Судя по всему, вы следуете своим рекомендациям?**

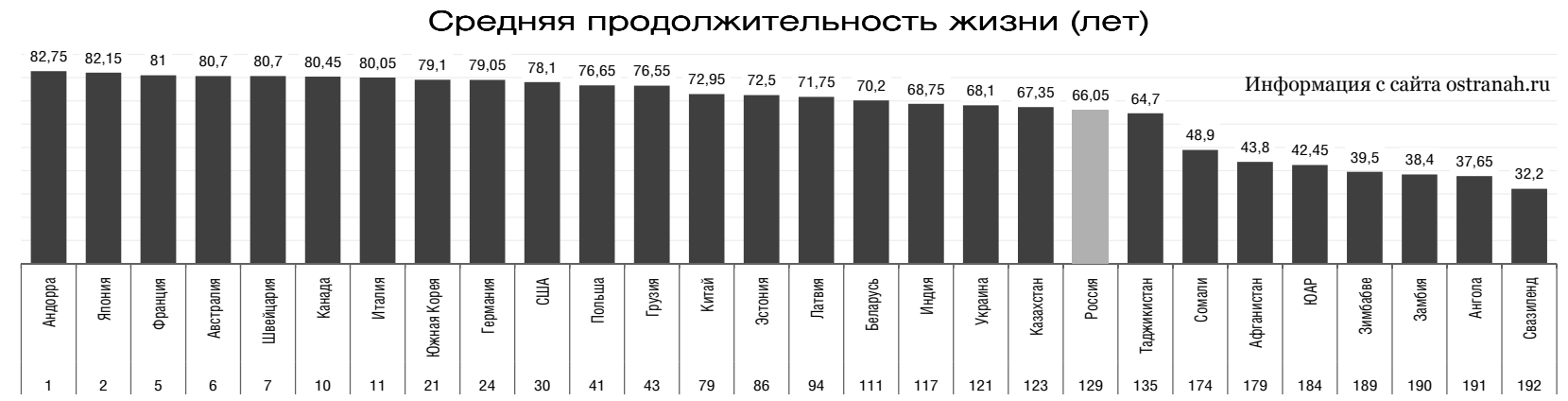
— Один из серьёзных факторов, влияющих на продолжительность жизни — самопрограммирование, настрой человека, интерес к окружающему миру. Я «поставил себе программу» прожить до 99 лет. Человечество каждый день делает новые открытия, движется вперёд, и нужно не терять интерес к окружающему миру, стремиться получать новую информацию, следить за новинками в разных сферах человеческой жизни. Давно не курю, стараюсь правильно питаться, от спиртного полностью не отказался, скажу откровенно, но употребляю нечасто и в умеренных дозах. Есть у меня загородный домик, где я стараюсь проводить своё свободное время... В общем — всё довольно просто. О том, что есть в моем роду долгожителей, я уже говорил, так что и «наследственный фактор» внушает определённый оптимизм.

— **Валерий Тимофеевич, давайте вернёмся к тому, с чего мы начали разговор. Что должна делать власть для увеличения продолжительности жизни?**

— Можно целый доклад прочитать на эту тему и при этом трудно не прослыть банальным. Больше вкладывать в развитие медицины, физкультуры и спорта, бороться за чистоту окружающей среды. Развивать охрану труда и усиливать контроль за качеством продуктов питания, воды. Поднимать уровень зарплат, чтобы у человека было достаточно средств на поддержание своего здоровья и необходимое лечение. Активно и неуклонно вести пропаганду здорового образа жизни — это, кстати, не требует больших затрат. Сейчас из моды выходит курение и разгуливание с пивом по городу. А ведь в девятые именно такой образ «продвинутого молодого человека» был навязан рекламой. Нужно понимание — здоровье, продолжительность жизни зависит прежде всего от вас самих.

Дмитрий ГОЛОВАНОВ

Фото Евгения НИКОЛАЕВА

Деньги статус не поднимут

Прогнозы в отношении российской образовательной системы стоило бы возвести в ранг административно наказуемых деяний: пустая трата времени! Но поскольку изменений всё-таки хочется (а божественный промысел доказывает, что слово может быть материально) — мы беседуем с Владимиром Самуиловичем СОБКИНЫМ о задачах, которые стоят перед образованием в нашей стране. Гость Красноярска и СФ — директор Института социологии образования, академик РАО, доктор психологических наук.

— Если вы не возражаете, я начну с абстрактного вопроса. Вот если представить схему школы — из чего она должна складываться? Скажем, ком-
**портные условия для учени-
ков, высокое качество подго-
товки педагогов, что-то ещё?**

— Сказать так сразу тяжело. Школа разная. Для каждой есть свои задачи, цели, содержание. Если говорить о старшей школе, 10-11 класс, значит, мы из этой школы заведомо убираем тех, кто, получив среднее образова-ние, после 9 класса уходят в техникумы. У оставшихся есть ожи-дания, что они будут поступать в институт. Мы привыкли гово-рить, что школа — это не подго-товка в вуз, что она даёт какие-то знания помимо этого; но надо учитывать, что в существенной степени этот момент присутс-твует в ожиданиях учеников. Если дальше — вуз, нужно че-ловека как-то определить в том направлении, куда ему дальше двигаться. Такие разговоры ве-дуться и в семье, и среди друзей, но самоопределение — момент очень важный и сложный. Шко-ла должна дать возможность че-ловеку в эти два года выбрать ту сферу, куда он дальше пойдёт, и развить его в этом направлении.

— Как можно снизить про-
цент брака?

— Выстроить свои приоритеты сложно, и у каждого это по-раз-ному происходит. Тут мы пере-ходим к индивидуализации про-цесса обучения на этапе старшей школы, что даст возможность ученику выбрать тот или иной профиль и попробовать себя в нём. Вот, скажем, я заканчивал физико-математический класс в очень хорошей московской шко-ле. Но попал туда совершенно случайно: я неплохо знал мате-матику, но никаких выдающихся способностей не проявлял. И это помогло мне понять, что я могу стать хорошим математи-ком, но никогда не достигну та-кого уровня, как некоторые мои одноклассники. Ситуация про-фильности обучения позволяет тебе оценить, есть ли ровесни-ки способнее и увереннее тебя? Ради этого стоит даже старшую ступень расширить на девятый класс. Ещё один важный мо-мент — возможности перехода из школы в школу. Представле-ния о том, что необходимо про-учиться с первого по одиннад-цатый класс в одном месте, не очень правильны. Надо менять окружение, и уж точно после де-вятого класса должен появлять-ся какой-то выбор.

— А как быть ученикам до 9
**класса, которые уже почувство-
вали некоторую замкнутость в
своём школьном коллективе?**

— Ну, для этого должна суще-ствовать развёрнутая внешколь-ная деятельность. Ведь школа — это социальный институт, а не место уроков. Хотя можно возразить, что это очень дорогое удовольствие — ещё какой-то социальный инсти-тут... Но мне кажется важным старый, вообще-то, тезис о том, что школа — это не подготовка к жизни, а сама жизнь. Поэтому надо дать возможность человеку полноценно прожить этот пери-од. Опыт жизни в социальном институте очень важен, потому что есть и другие социальные группы, в том числе и неформ-альные, и антисоциальные. Все они, если не брать кримина-лизированные, по-своему полез-ны, но в этом отношении сама организация жизни школы как социального института — мо-мент принципиальный.

— Институт тьюторов — лю-
**дей, которые активно будут
работать с учениками во внеш-**

**кольное время — может как-то
помочь с профессиональным
самоопределением подростку?**

— Смотря что они будут де-лать. Так-то «тьютор» — слово красивое... Всегда полезно, ког-да рядом с подростком находит-ся взрослый человек, которому ребёнок доверяет, к которому относится с интересом. Тактич-ный, заинтересованный в тебе человек. Взрослый, который способен что-то творчески де-лать при этом, — всё это очень важно.

Мы проводили большие со-циологические опросы, по кото-рым статус школьного учителя для подростка — не слишком высок. Даже в качестве источни-ка важной и нужной информа-ции называют его очень немно-гие, особенно в старшем звене, — только пять-семь процентов. До 7 класса дети ещё называют учителя значимым взрослым, а затем количество таких ответов резко сокращается. И причины не только в подростках, учите-ля тоже имеют некоторую долю вины.

Однажды мы проводили, в том числе и в Красноярске, большой опрос по здоровому образу жизни. Там любопытный такой вопрос был — как реа-гирует учитель, если увидит, что ребёнок курит на территории школы? Что отвечают, как ду-маете? Редко: делаю замечание. Обычно: делаю вид, что не заме-чаю. Это деформация позиций взрослого.

Я не говорю, что он должен быть надсмотрщиком, но это уход от ситуации. Учитель, тью-тор ли — должен быть заинтере-сован в ученике.

— А реформы, которые
**идут уже много лет, способ-
ны поднять статус школьного
педагога?**

— Вы знаете, я уже довольно долго живу и деклараций по по-воду того, как улучшится мате-риальное обеспечение системы образования, слышал много. Причём были очень хорошие пожелания — например, со сто-роны президента ЕЛЫЦИНА за-мечательный Указ номер один

который маргинализован и не имеет доступа к культуре, не имеет возможности реализовать эту функцию. Льготы на посе-щение музеев — это первое, что приходит на ум. Или скидки на приобретение художественной и педагогической литературы. В Москве, например, у меня есть карточка москвича. Если я её показываю в определённом ма-газине, то у меня десять процен-тов со стоимости книги снимае-тся. Это не ахти что, но всё-таки. Бесплатный компьютер, чтобы он был бесплатно подключён к Интернету, и так далее — это всё должно быть.

— Нельзя ли провести ка-
**кие-то параллели со сканди-
навской Европой, с Японией,
где система образования счи-
тается выстроенной наиболее
благожелательно по отноше-
нию к педагогу? Может быть,
мы должны принять что-то за
образец и двигаться в этом на-
правлении, а не выдумывать
третий по счёту законопроект
очередной реформы?**

— Там есть полезные модели и формы профессиональной под-готовки учителя, которые я бы взял на вооружение. Привле-чение в профессию успешных выпускников школ при посту-плении в вузы. Лозунг, что луч-шие — лучшие! — выпускники пойдут не в добывающую про-мышленность, а в школу и бу-дут заниматься поддержкой об-разования — вот это настоящая амбиция. Она-то и означает, что мы бросаем на это ресурсы не только финансовые, но и чело-веческие. В Финляндии, кото-рая добивается успехов по всем сравнительным рейтингам, ре-крутирование в профессию за-дано так, что наиболее сильные выпускники школ заинтересо-ваны в том, чтобы идти в сфе-ру образования. Они получают возможность работать в сфере, которая хорошо оплачивается и обладает широким социальным пакетом.

Люди на Западе понимают, что школы нужны будут при любом разладе в экономике, это гарантированное место работы.

— У нас в педагогических ву-
**зах проходной балл по ЕГЭ чу-
довично низкий...**

— Да, я сравнивал все про-фильные вузы по Москве — филфак МГУ, лингвистика, ино-странные языки, журналистика и филфак пединститута. Там самый низкий проходной балл — в прошлом году порядка 48. Если ничего с этим не делать, то инерционно мы ещё больше по-грязнем во второсортности. Уже сейчас в сознании родителей и детей невероятно трудно изме-нить представления о сложив-шейся социальной иерархии вузов.

— Раз мы подошли к разго-
**вору про высшую школу — что
вы думаете о бакалавриате?
Преподаватели спешно пере-
вёрстывают программы, а
общественность недоумевает:
насколько вообще это нужно?..**

— У меня очень сложное от-ношение к бакалавриату, я вам честно могу сказать.

Я не представляю бакалавриат по пси-хологии; говорю это как человек, кото-рый занимался этой профессией ещё до того, как она стала массовой.

Мне трудно представить, что я бы делал как директор инсти-тута, если бы ко мне пришёл бакалавр-психолог. Он ведь не сориентирован на научно-ис-следовательскую работу, у него нет перспектив! Такого стран-ного сотрудника можно направить только на обслуживающую ра-боту, анкеты какие-нибудь пе-репечатывать. Я могу работать только с магистром, который хо-чет писать диссертацию и наце-лен на научную карьеру. А в ка-честве медбрата или медсестры этого психолога ещё придется доучивать. Для целого ряда спе-циальностей непонятно, что та-кое бакалавриат.

— Вводя бакалавриат, госу-
**дарство допускает, что студент
вуза к 4 курсу ещё не опреде-
лился со специализацией. Но
что тогда говорить о 9-класс-
никах, которые уходят из
школы в техникумы получать
специальность?**

— Мы возвращаемся к раз-говору о старшем звене школы. Для человека, который в школе не самоопределился — а многие не самоопределились — про-фильное образование в тягость. Тянуть такое ярмо пять лет — это слишком, ведь уже другие потребности, другая ответствен-ность за себя. Человеку надо дать возможность изменить тра-екторию своего профессиональ-ного выбора.

И здесь балакавриат очень полезен. Ведь кризис учебной деятельности существует и при получении высшего образова-ния: разочарование в целях, в содержании приводит к тому, что человек или вообще бро-сает университет, или два года имитирует учёбу, а на самом деле он даже на лекции не хо-дит, а потом в сессию с зачётной книжкой собирает отметки по преподавателям. Это массовое явление, я преподаю во многих вузах и с этим сталкивался.

— Не секрет, что таким сту-
**дентам на выпускных госэкза-
менах «двоек» практически не
ставят, ведь поставить «двой-
ку» — это как расписаться в
том, что пять лет с ним валяли**

перь же нет мощного среднего возрастного звена, и этот провал очень опасен для ближайших десятилетий. Наше поколение спокойно уходит, и остаются только кадры, которые не прош-ли закладки. Отсюда беда наших вузов и университетов, даже федерального значения — от-сутствие серьёзно поставлен-ной научно-исследовательской деятельности.

— Но почему в каких-то вузах
она есть, а в каких-то — нет?

— Мы говорим о многих ву-зах, где как не было научной работы, так и нет, а есть только преподавательская.

Раньше страна так была устро-ена, что ряд вузов был связан с министерствами, они получали заказы на научно-исследова-тельскую деятельность и за счёт этого развивали её в своих сте-нах. Например, физтех или МГУ. Они имели заказные работы от ведомств, от правительства, от оборонной промышленности, а другие вузы не имели и поэтому оказывались только образова-тельными учреждениями.

На Западе, скажем, все уни-верситеты являются центрами научных исследований. Там студент, как только приходит, сразу втягивается в научно-исследовательскую работу. И преподаватель — это не лектор, рассказывающий о чужих иссле-дованиях, это человек, который сам исследования ведёт и по их поводу со студентами общается.

— А госказ не может окон-
**чательно, извините, угробить
целые отдельные взятые дис-
циплины? Например, в следу-
ющем году планируют повы-
сить стипендии техническим
и естественно-научным аспи-
рантам — но не гуманитарным.
И по всей стране ориентация
на инновации ведёт к тому, что
гуманитарная сфера всё более
отодвигается на задний план.
Разве это не тонкости большо-
го госказа?**

— Это скорее тонкости тех, кто заказывает музыку. Всегда всё зависит от управления на уров-не университета.

У нормального руко-водителя есть пони-мание, что человек, получающий специ-ализацию в области естественно-науч-ной дисциплины, — плохой специалист, если он недостаточ-но образован гума-нитарно. И поэто-му, получая заказ на факультет, руковод-ство должно поддер-живать бульон всего университета, в том числе и гуманитар-ную составляющую.

Это сложное хозяйство, где увеличивается роль и значе-ние ректора, всего управленче-ского аппарата и того, как они понимают организацию об-разовательного процесса. Они должны рыскать, искать зака-зы, привлекать средства, созда-вая структуру многоканального финансирования.

— Вы говорили, что школа не
**готовит к сдаче вступительных
экзаменов в вуз, она готовит
человека к жизни в обществе.
Кого же и по чьему заказу дол-
жен готовить вуз — профильно-
го специалиста или личность
во всех отношениях развитую?**

— Я считаю, что гуманитарная компонента образования при получении высшего очень важ-на. Я опрашивал студентов на предмет их любимых художес-твенных произведений, и вы-яснилось, что список не очень сильно отличается от списка школьников. Потому что тот ба-зовый культурный набор, кото-рый демонстрируют школьни-ки, когда приходят в вуз, почти не меняется.

Багаж может пополниться, только если в группе окажутся люди, увлечённые литературой, и посоветуют книгу прочесть. Или потянут вас в музей, нач-нут вместе смотреть фильмы. Или вдруг преподаватель такой окажется. А когда этого нет, то получается человек массовой культуры.

**Константин
ЧЕРНОПЛОДОВ**

Фото Нины ЛИТВИНОВОЙ

Предсказатель вероятностей

«Учёные-практики — будущее нашей науки!» — такой фразой профессор Рэм Григорьевич ХЛЕБОПРОС предвдрил лекцию Льва ГИНЗБУРГА, профессора Stony Brook University, посетившего Сибирский федеральный университет. Под практиками Рэм Григорьевич, надо полагать, в данном случае подразумевал не традиционных кулибиных и поповых, а учёных, подобных приглашённому гостю, — в ком мощный интеллект сочетается с не менее мощным умением реализации задуманного и, что важнее, реализации в условиях рынка.

В век, когда на горизонте неясно маячит Сколково, а науку призывают сделать рывок в будущее, перегнав западных коллег, логичным выглядит предположение, что этот Запад и есть будущее, только далёкое. А, как известно, далёкое будущее не поддается прогностике — только эвристике. ТОФФЛЕР предвидел возникновение Интернета, а МАРКС — возникновение коммунизма; один оказался прав, другой, видимо, ошибся, что доказывает ненадежность любых умозрительных прогнозов. Математики вам скажут, что подсчёт вероятностей для больших отрезков времени — занятие ненаучное и общественно вредное. Вместе с тем на предсказаниях будущего можно выстроить неплохой бизнес, а научную вероятность — превратить в коммерческую предопределённость.

Лев Гинзбург признался аудитории, что впервые в жизни его попросили прочитать лекцию не про науку, а про бизнес. От себя добавим, что он вообще впервые читал лекцию в России, и СФУ стал первым университетом, который пригласил этого бывшего выпускника мехмата Ленинградского госуниверситета, а ныне учёного с мировым именем.

«RAMAS» — так называется компания Гинзбурга, которая занимается продажей программ, подсчитывающих вероятности в биологии и экологии. Свой бизнес он называет мелким — за год через фирму проходит всего около миллиона долларов, на американском рынке есть игроки и покрупнее. Слово «RAMAS» расшифровывается как «Анализ рисков и выбор альтернатив», хотя на самом деле оно не расшифровывается никак. Гинзбург с улыбкой рассказывает, что последовал советам маркетологов, придумав бессмысленное слово с обязательными звучными R и AS. «Но теперь это слово принадлежит мне», — предупреждает он.

По-хорошему, профессору Гинзбургу должно принадлежать и слово «биоматематика», поскольку именно он ввёл его в научный обиход, став одним из основателей новой дисциплины. Правда, сам Гинзбург уверяет, что ничего особенного в биоматематике нет — это лишь стохастические системы подсчёта данных применительно к биологическим сферам. В 80-е годы он первым разработал методологию для экологического анализа рисков, основанных на стохастических моделях популяций.

Для изучения ситуации использовался численный метод решения математических задач при помощи моделирования случайных событий, или метод Монте-Карло. Будучи высоко оценённой в научном сообществе, методика оказалась востребованной и в бизнесе. Сейчас бы её называли инновационной, да, впрочем, она, будучи постоянно совершенствуема, таковой и остаётся. Многие нуждаются в услугах прогнозистов — экологи, промышленники, государственные структуры, контролирующие организации. Неудачная или непрофессиональная оценка рисков может привести к ужасающим последствиям.

Лучший пример этого, говорит профессор, — это ураган «Катрина», который пронёсся над южным побережьем США в 2005 году, разрушив Новый Орлеан. Множество гидросооружений превратилось в груды обломков, плотины и дамбы не выдержали нагрузки. Проектировщики предположили, что такие ураганы будут случаться не чаще чем раз в сто лет. На практике вышло, что одинаково разрушительные ураганы проходили по Луизиане несколько лет подряд — здесь опять можно вспомнить, что точного предсказания дать нельзя никогда, и чем больше временной отрезок, тем оно менее точное.

Да, с вероятностями действительно приходится быть аккуратным. 10 в минус четвёртой — маленькая цифра? Именно такова вероятность гибели в ДТП. Для сравнения, 10 в минус шестой — это вероятность разбиться

при крушении самолёта. В природе существует некая стабильная величина так называемого фонового риска. Условно говоря, виды когда-нибудь исчезнут и без вмешательства человека, но он при желании этот процесс может сильно ускорить. Человек отвечает как раз за разницу между уровнем фонового риска и риска настоящего. Именно за эту разницу, выраженную в цифрах, готовы платить крупные компании, чья деятельность может представлять угрозу для окружающей среды.

Часто заказчиками вероятностных подсчётов выступают промышленные корпорации, которым нужны инструменты в их борьбе с экологами. Река Огайо, рассказывает Гинзбург, трижды в год полностью высасывается различными заводами и электростанциями; само собой, что при этом погибает много рыбы. Однако бизнесмены заявляют: общее количество рыбы не убывает, просто уменьшается её численность, а следовательно — и конкуренция. Экологи с ними не соглашаются, в дело вступают юристы, которые, в конце концов, всегда зовут учёных.

«Юристы правят миром, а учёные подбирают крошки», — характеризует Гинзбург подобную ситуацию. Когда природа — или человечество — создают какую-то большую проблему, правительство выделяет на её решение значительную сумму денег. Львиную долю капитала разбирают юристы и чиновники всех мастей, какой-то процент добирается до научных центров и лабораторий. Тут бы порадоваться в духе бедного родственника — мол, на Западе тоже воруют. Но это будет и невежливо, и неумно.

Там не клеят конверты и не строят наугограды в чистом поле, а потому учёный, который желает добратся до государственного финансирования, должен преодолевать не бюрократические и коррупционные барьеры, а исключительно репутационные. К исследователю — профессионалу своего дела обратятся и с частными, и с государственными заказами.

Хороший пример того, когда статистика может решить проблему национального масштаба, привёл сам Гинзбург. В Штатах сейчас на пик популярности выходят ветряные электростанции, которые, однако, помимо очевидных достоинств имеют и крупный недостаток — в их лопастях погибают птицы и летучие мыши. Особую склонность к подобному суициду проявляет одна из разновидностей орлов, так называемый Golden Eagle. В трагедию государственного масштаба проблему превратил тот факт, что орлы эти чрезвычайно похожи на другую разновидность — Bold Eagle, птицу столь же распространённую на государственной символике американцев, сколь редкую в природе. Преувеличением было бы заявлять, что будущее этой перспективной отрасли энергетики оказалось под угрозой из-за потенциального урона пернатым, но встревожились политики не на шутку. Высчитывать вероятности гибели национального символа предстоит в ближайшее время — профессор подчёркивает, что ждёт этого заказа буквально со дня на день. С этими орлами ему уже приходилось иметь дело — как-то раз какой-то американский чиновник на основании своих подсчётов ограничил индейскому племени количество птиц, приносимых теми ежегодно в жертву. Индейцы обратились к адвокату, адвокат — в RAMAS, а те за не-

сколько тысяч долларов доказали, что чиновник занимался ерундой. Представьте, что у нас выводы экологов как-то повлияли бы на очередное решение о прокладке очередной дороги или бетонировании зелёной зоны. Разве можно говорить о перспективах развития научного знания, когда оно не является авторитетом ни для бизнеса, ни для государства?

Однако, как мы помним, хозяевами жизни являются юристы. «Моя дочь — очень крупный и успешный юрист в Нью-Йорке. Я поинтересовался у неё, как действуют корпорации, когда дело касается проблем стоимостью в много-много миллионов долларов, вроде нефтяной катастрофы в Мексиканском заливе. Сколько учёных, экспертов, авторитетных мнений нужно привлечь, чтобы отстоять свою позицию? Дочь мне ответила: если речь идёт об очень больших цифрах, то мы покупаем всех. Всех, представляете?! Мы собираем всех на одну большую конференцию, посвящённую обсуждению этой проблемы. Никому ничего не подсказываем — незачем. Если собрать в одном помещении 200 учёных, то у них появится 200 точек зрения, и хотя бы одна точно совпадет с нашей. Так вот, мы выбираем того, чья позиция нам больше всего подойдёт, и заключаем с ним очень дорогой контракт. С остальными мы тоже заключаем контракты, но подешевле — они будут оппонировать нашему ставленнику, как бы тренировать его перед возможным экспертным выступлением в суде. Вот и всё. Юристы правят миром», — резюмирует он.

Я задаю профессору ещё один вопрос, и ответ на него мне и нравится, и не нравится. Принимала ли его фирма когда-нибудь участие в благотворительных проектах? For free, на всякий случай уточняю я. Лев отрицательно качает головой — нет, никогда. Объясняет это он вполне тривиально — нужно с чего-то платить деньги сотрудникам. Является ли это качественным знаком западной науки и нашего трудндостижимого будущего? Скорее всего, да. Как объясняет профессор, он никогда не ставит перед своей лабораторией задачу как можно быстрее освоить полученные средства; у государственных грантов есть возможность продления сроков действия проектов без дополнительного финансирования ещё на один год. Важно, подчёркивает он, чтобы люди были уверены в завтрашнем дне, чтобы они были загружены определённым объёмом научной работы, чувствовали свой научный и экономический рост. Возможна ли подобная стабильность, если работаешь в России? — робко задаю я наводящий вопрос, но он, к сожалению, остаётся без ответа — профессора отвлекает местная учёная диаспора.

Профессор рассказывает об интересном эксперименте, который ставили его университетские коллеги. Человека ставят перед выбором: он получает один доллар наверняка или же десять долларов с вероятностью в десять процентов. Люди, как правило, выбирают доллар, что жутко нелогично (вы ведь помните, что вероятность десять в минус четвёртой уже считается значимой).

Если же ситуацию видоизменить и пригрозить счастливому обладателю купюры, что доллар у него отнимут или отнимут всё те же десять долларов с той же вероятностью, люди всегда выбирают вероятность.

Эта забавная особенность человеческой психики в нашей стране, кажется, превращается в национальный порок — неумение брать то, что дают доллары, но бесстрашно залазить в долги. Она же аукается и в научной сфере. Профессор Хлебопрос,

Лев Гинзбург прочёл в СФУ лекцию «Взгляд в будущее»

резюмируя выступление заморского гостя, очень точно характеризует ситуацию, сложившуюся в российской науке. «У нас много хороших идей, — говорит он. — Но мы совершенно не умеем зарабатывать на них деньги».

Ещё более хороший пример прозвучал из уст самого Гинзбурга: его аспиранту на глаза попала научная публикация советского математика, на которую за полвека сослались лишь восемь раз. Американец же на основании этих исследований придумал и запатентовал потрясающий метод оценки вероятностей для событий, которые никогда не происходили — например, ядерных взрывов, моделируемых на компьютере. Программа эта будет продаваться, уверен Гинзбург, потому что она полезна.

Я ожидаю профессора Гинзбурга на короткое интервью после лекции. Он полон энтузиазма и не скрывает своих далеко идущих замыслов — есть идеи,

есть научные разработки, на основе которых можно создать конкурентоспособный продукт для российского рынка. Смотрю на наших учёных — их лица овеяны какой-то тихой грустью; слышу, как рядом со мной кто-то негромко произносит: «Всё равно ничего не получится. За экологический продукт в России частные компании платить не будут. А государству этим заниматься не надо — зачем им лишняя возня, когда и так всё сыто и спокойно».

...Паскаль когда-то подсчитал вероятность выпадения определённых значений на игровых костях, став одним из основателей метода Монте-Карло. После ненароком подслушанных мною слов я бы без всяких алгоритмов и кубиков оценил тот вариант развития науки, который представил аудитории американский гость, для России не слишком вероятным.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Россия на большом перекрёстке

«Предвыборные обещания...». Есть такая формула. Конечно, она не более чем миф (начав вспоминать, какие обещания давал России каждый очередной президент, ничего, кроме неопределённого «обеспечить безопасность» и «повысить благосостояние», на ум не приходит). Тем не менее, вступая в предвыборный год, мы хотим получить привлекательный перечень мер (ожидаемых или абсолютно оригинальных), которые изменят нашу жизнь. Изменять к лучшему.

О России за год до президентских выборов, о её актуальных задачах и конкурирующих уже сегодня стратегиях развития мы решили поговорить с одним из участников Экспертного клуба нашей газеты — кандидатом физико-математических наук, проектным консультантом Андреем БУТЕНКО, уже знакомым нашим читателям.

— Андрей Викторович, накануне VIII Красноярского экономического форума мы обсуждали тему эффективного управления. И тогда сформулировали такие «задачи для власти»: пресечение возможности вывозить из страны капитал через офшорные зоны и гибкое налоговое обложение. Вы ещё сказали, что в период кризиса все страны с аналогичными проблемами разбираются. Есть ли у нас какие-то подвижки вокруг этого?

— Да, разговоры ведутся, наиболее чёткую позицию занимают коммунисты и отчасти «Справедливая Россия» — они за введение прогрессивного налога, а не уравнилельного. Но вряд ли всё это получит заметное выражение. В силу разных причин. И главная из них — разворачивающийся сценарий тлеющих войн на просторах Евразии. По большому счёту, в мире началась новая борьба за передел ресурсов. Отчасти это спровоцировано быстрым экономическим ростом Китая и Индии, который требует увеличения добычи потребляемых ресурсов буквально в разы.

— То есть рынок ресурсов стал дефицитным.

— Да. Европа и США прикладывают все усилия, чтобы сохранить уровень благосостояния своего населения. Но представьте — добавляется Китай, Индия, средний класс которых составляет уже сотни миллионов людей, и они готовы оплачивать свои возросшие потребности. Требует совершенно другого масштаба добычи. И это — только один сюжет возникновения напряжения.

Второй сюжет — целый ряд ошибок, допущенных США, что достаточно красиво было названо Рондаллом КОЛЛИНЗОМ (известным американским историком) «имперским перенапряжением». То есть слишком большие военные расходы, слишком опрометчивая промышленная политика, связанная с переносом производств в Китай, и др. Уже третий год подряд бюджетный дефицит США превышает 1 трлн долларов. Это чудовищные суммы. И вот впервые за 30 лет одно из ведущих рейтинговых агентств Standard & Poor's снизило инвестиционный долгосрочный рейтинг США.

А третий сюжет — распространение Интернета. Страны третьего мира получили возможность сравнивать, и их население стала сильно «напрягать» политика собственных правительств.

Для нас вся эта ситуация означает одно: цена на ресурсы при любом сценарии будет высокой.

Следовательно, вероятность, что правительство станет предпринимать какие-то дополнительные шаги по наполнению бюджета — невелика. Денег будет хватать и так.

— Но ведь офшорные зоны тоже при любом раскладе невыгодны государству. Зачем упускать деньги из страны?

— Интересы государства — это некоторая абстракция. Государство — машина, которая действует в интересах того, кто находится у руля. Для правящего класса важно, чтобы население сохраняло лояльность, и пока денег будет хватать на то, чтобы гасить недовольство, — этого достаточно. В этом отношении наша страна не уникальна.

Взять ту же Британию. Там масса офшоров, и правящий класс их оставляет как лазейки для себя, чтобы усиливать свои финансовые возможности. Если влияние партий, которые защищают интересы среднего класса, становится достаточно сильным, то государство предпринимает ряд шагов, которые позволяют ситуацию выравнивать, но эти шаги не радикальные. Такая ситуация динамического равновесия.

— Но у нас этой динамичности нет, как нет ярко выраженных партий, защищающих средний класс.

— У нас реализуется модель, близкая к восточным странам. Это не соревнование партий со схожими программами, но разными акцентами (как на Западе), а внутрипартийные дискуссии ведущей партии (ситуация в России очень похожа, например, на Японию, где либерал-демократы фактически десятки лет находятся у власти). Реально этот поиск баланса составляет основной нерв общественной жизни по целому ряду вопросов. И то, насколько легко крупный капитал уходит от налогов (офшоры), или налог на доходы, — это лишь один из предметов торга и борьбы.

— Пока наш богатый класс даже естественные претензии в виде налога на доходы воспринимает болезненно.

— Мы имеем первое поколение богатых людей, которые чисто психологически не могут расстаться с частью своих доходов ради собственной долгосрочной выгоды. Выгода выражается в общей поддержке населением своих компаний, лояльности компаний к своему государству. Но дальше те, кто окажется неспособным к подобным компромиссам, начнут проигрывать. Потому что экономика глобальна, и в рамках этой экономики соперничают не просто компа-

нии, а компании плюс государство, которое обеспечивает «прикрытие», поддержку своих.

Это общая мировая практика, хотя периодически разные государства делают вид, что этого нет. Периодически случаются скандалы на эту тему. Как компромат на сайте WikiLeaks опубликованы материалы, согласно которым госдепартамент США делал всё, чтобы продвинуть свои атомные реакторы в конкуренции с французскими. Компромат — потому что в общественном сознании поддерживается идея «идеального рынка».

Или Евросоюз выставил претензии «Боингу» в том, что эта компания получает не рыночную господдержку; а Штаты в свою очередь в том же уличили европейский «Аэробус», и были разбирательства в рамках ВТО. Но всё это смешно выглядит, потому что все крупные корпорации сегодня опираются на ресурсы государства, которое отождествляют со своим государством.

— А наши поддержку государства получают и даже о ней просят, но вот ответной «благодарности» нет.

— Да, государство очень мощно в конкуренции с другими компаниями может подставить и плечо, и спину. Но это только в том случае, если население будет понимать, что это НАША компания конкурирует. А репутация «нашей» зарабатывается за счёт разных социальных программ, которые компания осуществляет, национальных проектов и т.д. Увы, наш богатый класс эти связи пока плохо понимает. И государство к этому относится достаточно равнодушно.

Что касается закрытия офшоров, тезис был такой: в условиях стеснённых денежных обстоятельств для правящей команды это было бы хорошим ресурсом. Может, дало бы не такое большое количество денег, но сыграло бы на поднятие имиджа власти, солидаризацию с населением... Это ресурс консолидации. Но сейчас внешнеполитический рисунок даёт возможность эту ситуацию не форсировать.

— На эту ситуацию есть и другая точка зрения. Мы думаем, что Америка сама не понимает, во что ввязывается, раздувая пожар на Востоке. А вот Сергей КУРГИНЯН, например, говорит, что это хорошо спланированный сценарий «управляемого хаоса». Создание огненной дуги военных конфликтов (от Ливии до Индонезии) будет использовано как инструмент в конкурентной борьбе с соперниками — что-

бы взорвать изнутри Индию, создать проблемы Китаю и т.д. Россию в качестве противника уже не рассматривают — это кость, которую бросят исламистам, вслед за Израилем. А может, и в первую очередь. Не слишком ли мы благодушны?

— Кургиян в своих суждениях сильно давит на эмоциональное восприятие и недооценивает возможности и России, и Китая, и самих исламских стран к противостоянию. Утверждать, что эти войны примут гигантский масштаб — нереалистично. Сегодня во всём мире люди с большой неохотой ввязываются в большие военные конфликты. И умеют сопротивляться гораздо умнее и тоньше. Что касается «управляемого хаоса» — название концепции, может, и новое, а практика-то старая. Есть статистика: за последние 120 лет Америка 130 раз совершала открыто признанные интервенции (только на Кубу, например, — 6 раз). Латинскую Америку она держала в таком «управляемом хаосе» почти столетие. Ну, и чем это завершилось? Латиноамериканские страны всё-таки сумели организовать и начинают вытеснять Штаты из региона. Возвышению Бразилии США так и не смогли помешать; по моему мнению, так же они не смогут предотвратить усиление Ирана, Турции, тем более — Китая.

— А нас не втянут в эти азиатские конфликты? В стратегии, представленной ИНСОРОм, говорится о том, что нам следует поддержать политику НАТО на Востоке — а они за это не будут мешать росту нашего влияния в зоне СНГ.

— Это наивно. Если мы туда влезем, мы будем таскать каштаны из огня для западных стран. И.Ю. ЮРГЕНС и ИНСОР выражают радикально-либеральную точку зрения той части правящего класса, которая хочет на ЛЮБЫХ условиях войти в европейскую элиту. У людей такой интерес. Они там покупают особняки, обучают детей, даже гражданство при случае получают. Но они не осознали одну простую вещь: хорошие деньги они там делать не смогут. Хорошие деньги можно делать в быстрорастущих странах, подобных БРИК.

Экономический рост и укрепление этих новых центров силы приведут к тому, что национально ориентированная буржуазия, средний класс будут там выигрывать. Делая ставку на приоритетную консолидацию с европейским миром, мы стратегически проигрываем.

— Я могу представить себе национально ориентированный бизнес в Китае, в Японии, Индии. Но в России? Назовите хоть одного персонажа из числа наших олигархов...

— Есть эти люди. Взять того же ПОТАНИНА. Эта группа не

столь светится в средствах информации, но они достаточно влиятельны. ПУТИН, например, во многом воплощает идеологию этой группы. Его усилия по созданию Таможенного союза — и есть то постепенное выстраивание и экономический захват территории, где национально ориентированная буржуазия может вести бизнес.

Как только Таможенный союз принесёт отдачу, резко усилится влияние представителей этой силы. Потому что масса всяких барьеров снимается, деньги крутятся быстрее, прибыль увеличивается. Это направление очень правильное.

Помимо Казахстана и Белоруссии предпринимаются усилия по выстраиванию тесных экономических связей с Турцией. Мы фактически становимся для этой страны ведущим экономическим партнёром, и ЕС уже начинает беспокоиться по этому поводу. Ведь сейчас обсуждаются такие тесные модели стратегического сотрудничества, что и Турция может войти в Таможенный союз. Может войти Вьетнам. То есть целая серия ходов делается, которые интересны национально ориентированному классу.

— Вы говорите, что это направление реализует Путин — а у МЕДВЕДЕВА разве другие установки?

— Пока непонятно. Здесь тоже выражается стиль восточного соперничества, когда фаза открытого противостояния, если оно есть, проявляется на поздних этапах. Пока сохраняется кооперирование, но элементы соперничества стали сильнее. Те, кто формирует идеологию Медведеву, слишком ультралиберальны. Слишком стремятся в западный мир, не пытаясь всерьёз отстроить свои собственные опоры.

Они исходят из той точки зрения, что государство будет играть всё меньшую роль, оно отмирает и т.д. Это забавно слушать, потому что даже если брать Евросоюз, то подавляющее влияние Германии и Франции совершенно точно присутствует. Греция, Португалия, Испания — кто им выдвигает условия? Германия. В этом отношении иллюзии, что вступление в Евросоюз будет означать всестороннюю поддержку — должны уходить.

— Мне как раз хотелось поговорить о роли государства. По одной из концепций, Россия с Китаем начинала реформы в экономике примерно в одинаковых стартовых условиях. Были ресурсы, была инфраструктура, было сильное государство. Не хватало либерализации. Но когда объявили рынок — Китай пошёл в рост, а мы нет. И причина вроде бы в том, что в этот момент мы разрушили государство, оно перестало быть сильным.

— Это, конечно, упрощённая схема. Но я бы здесь сказал, что государство у нас свою силу показывает в ключевые моменты. Одно такое знаковое действие — арест Ходорковского.

— Что?! Кто только уже ни высказывался на тот счёт, что арест Ходорковского напугал наш бизнес, посягнул на частную собственность, нарушил принципы демократии, показав всё коварство власти...

цифры

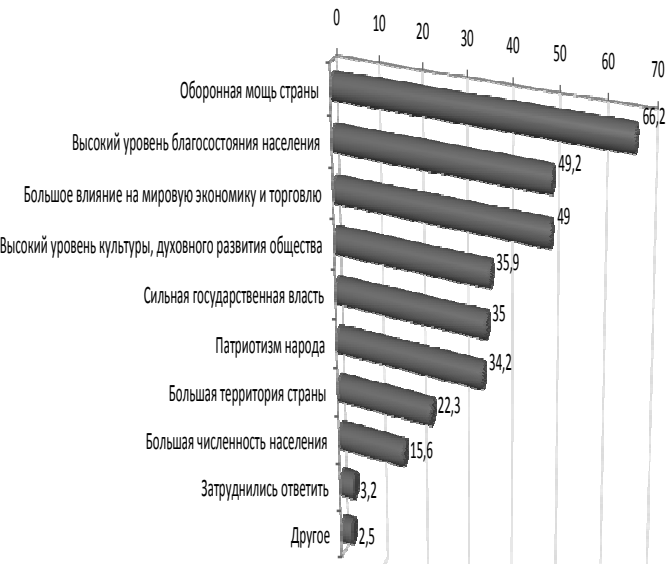
Предлагаем вам результаты некоторых опросов населения, проведённых Российской академией государственной службы при Президенте РФ в 2007—2010 гг.

Не везде сумма ответов равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Как вы оцениваете положение России в современном мире?

Какой смысл вы видите в понятии «великая мировая держава»?

В какие исторические периоды, на ваш взгляд, Россия имела статус великой мировой державы?

После Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (в составе СССР) — **68,3 %**

В годы правления Петра I — **45,1 %**

В настоящее время — **23,2 %**

После Отечественной войны 1812 г. — **15,9 %**

В 20 веке до Октябрьской революции — **12,8 %**

В 80-90-е годы 20 века, когда начались горбачевская перестройка и ельцинские реформы — **6,6 %**

— Тем не менее именно это действие заблокировало увод нефтяных ресурсов под прямой контроль американских нефтяных компаний. Конфликт с Ходорковским определял, будет ли у нас ситуация, похожая на Ирак — или на Китай и Индию...Франция (да и США) в парламенте рассматривает, кто является стратегическим владельцем её крупных и сверхкрупных компаний, и не стесняется этого.

Второй акцией, продемонстрировавшей силу государства, стала война 08.08.08. Это тоже было чётким государственным действием. Если бы его не было — ситуация дальше развивалась бы очень мрачно. Тем более это было сделано эффективно, эффективно, жёстко.

Ещё одна важная вещь — поддержка национальной банковской системы, которая фактически находилась на пороге краха в 2008 году. Мы могли лишиться национальных банков, как Чехия, Венгрия...

— **А зачем нам национальный банк, если он кредитует население под проценты, невысказанные нигде в мире? Может, будь у нас европейские банки — они не выставляли бы такие драконовские условия клиентам...**

— Проценты определяются инфляцией. Конечно, американцы предоставляют кредиты почти по нулевой процентной ставке. Потому что они свои доллары «раскидывают» по всему миру и через них могут осуществлять скрытое заимствование, изымание богатств других стран. У нашей страны такого механизма нет.

— **А чехам без национальных банков стало хуже?**

— Здесь забавная штука — пока вроде нет. Но теперь посмотрите на Грецию. Центр принятия решений ушёл из страны. И когда сейчас страна попала в тяжёлую ситуацию, оказалось, что она самостоятельные решения принимать не может. Греки режут свои социальные программы. И до них впервые доходит, что 20 лет назад, вступив в Европейский союз, они сделали вовсе не благое дело.

Спустя поколения люди расплачиваются за ошибки. И здесь — фальшь, когда говорят: государства исчезают. Выясняется, что без механизмов государства выскочить из затруднительной ситуации невозможно.

— **Поэтому вам более симпатична программа «Россия 2020», которую предложила ещё путинская команда.**

— Там другие, чем в ультралиберальной стратегии ИНСО-Ра, установки. Они связаны со становлением России как самостоятельного центра силы. И это более реалистично. Потому что ЕС свои-то небольшие государства переварить не может, а уж нас!...

Кроме того, вокруг России сложился пояс стран, которые ориентируются на нас, хотим мы этого или нет. И эту историческую тенденцию переломить очень непросто. Мы самими обстоятельствами поставлены в такие условия, и как только будут найдены интересные совместные ходы, они сразу дадут отдачу.

У нас исторически всё время идут эти циклы: развал — а по-

том новая сборка. Потому что масса усилий приложена предыдущими поколениями, и они не пропадают зря. Ядро представлений есть. И оно подтверждается на уровне действий в рамках стратегии становления России как самостоятельного центра силы и экономики.

Первая встреча глав БРИК, помните? Она ведь произошла в Екатеринбурге. Россия же это сделала, собрала вместе эти государства. Это абсолютно не вписывается в стратегию пристройки к ЕС. И масса таких самостоятельных действий задают другую логику движения.

В этой стратегии приоритет формирования единого экономического пространства — действительно, решающий. Сейчас нам предельно важно — резко нарастить количество живущих в экономическом пространстве России. Если это будет сделано — мы состоимся как самостоятельный центр силы. Поэтому, кстати, делается столько усилий, чтобы затянуть в Таможенный союз Украину — это же 45 млн человек...

— **Они вряд ли расстанутся со своей самостоятельностью и мечтами быть принятыми в ЕС.**

— Не знаю. Есть обстоятельства, которые играют в нашу пользу. Кстати, товарооборот с Украиной за время правления Януковича вырос на 50%.

В последний свой визит Путин очень жёстко дал понять, что мы ждём от Украины определённости. Он резко сократил время визита, стремясь уйти от общих слов о братстве к конкретным договоренностям. Он чётко сказал: если вы строите зону свободной торговли с Евросоюзом, то теряете массу возможностей на нашем рынке. Потому что сесть на два стула вам не удастся. Если вы с нами — получаете конкретные преимущества, тогда как в ЕС — получаете только бумажку, обещание. Это был жёсткий тезис. И они теперь думают.

В нашу пользу — эти тлеющие революции, которые резко подкашивают возможности ЕС кого-то ещё подтягивать. У них и так куча проблем — мигранты, финансовые кризисы на периферии Евросоюза: Ирландия, Португалия, Греция, Испания... Это чудовищная головная боль и колоссальный имиджевый урон. С Ливией вообще просто какая-то «подстава». И всё это резко сужает возможности и у ЕС, и у США активно действовать в нашем ближнем зарубежье.

Американцы уже сделали Евросоюзу одну болячку — я не знаю, как он будет выкарабкиваться из ситуации с Албанией, Косово, Сербией.

— **А что, Косово уже независимое государство.**

— А вы знаете, какой там наркотрафик идёт? А продажа рабов? Это же гнойник на теле Европы.

Так что я не знаю — смогут ли они на одних обещаниях втянуть Украину. Ресурсов для этого у них нет и в ближайшем будущем не видно. И если Янукович вопреки своей оппозиции решится войти в наш Таможенный союз — тогда мы очень быстро получим экономическую отдачу, буквально в течение полутора.

— **Скажите, а мы вообще-то подходим по параметрам развития к «странам с быстро развивающейся экономикой», как позиционируется БРИК? Население у нас в 10 раз меньше, чем в Китае, показатели экономического роста — не в пример ниже...**

— Если мы посмотрим суммарно, то темпы нашего роста достаточно высокие.

— **Не понимаю, о чём речь: заводы не работают, мы ничего, кроме нефти и газа, не производим — о каком росте вы говорите?**

— Современная экономика на 60% состоит из услуг и сервисов. В этом плане в России за последние десятилетия произошло резкое улучшение качества жизни, совершенствование технологий. Даже взять такой обыденный пример, как автоматические стиральные машины. Какое колоссальное количество энергии людей высвобождено! Ведь стирка раньше была событием, к нему надо было специально готовиться!

— **Да, об этом мы успешно и давно забыли.**

— Теперь — мобильные телефоны. Допустим, вы видите, что не успеваете на нашу встречу, и отменяете её. Значит, я тоже не еду. Это колоссальный выигрыш по времени и ресурсам, который распределяется по людям. Нельзя сказать, кто конкретно выиграл, но таких выигрышей — много. За счёт совершенно новых технологических решений мы очень далеко продвинулись вперёд.

Мы можем хотеть ещё больше, это нормальное явление: человек всегда ставит цели, превышающие текущее состояние. Но объективные цифры — они неплохие для России.

— **А у вас есть свой «наказ» президенту?**

— Ничего себе... Но вообще-то я бы сделал акцент вот на чём. У нас недооценивается гуманитарная составляющая реформ. То есть распространение технологий коммуникации, переговоров, дискуссий, концептуальных обсуждений, использование Интернета и форм интенсивных семинаров. Именно эти «мягкие» технологии могли бы позволить людям достаточно быстро меняться и эффективно включаться в происходящие процессы.

А тематикой для использования этих технологий как раз должна стать новая промышленная, инновационная, образовательная политика. Поиск механизмов, которые позволят две эти составляющие увязывать (гуманитарную и инновационную), и составляет основной вызов для всего населения России — и для правящего класса, и для среднего.

Именно переговорные площадки, форумы, деятельность местного самоуправления помогают втягивать людей — которые не видят перспектив и не понимают происходящего — в общее пространство.

Ведь гуманитарные техники не стремятся сформировать человека (как это делает пропаганда), а направлены на выяснение его интересов, на поиск того, каким образом этот интерес может быть с кем-то объединён, на взаимовыгодное решение проблем. Происходит втягивание, зацепка людей — через интересы, перспективы, планирование дел. И как только это складывается — человек включается.

— **Знаете, сложно смотреть на сегодняшний день так оптимистично, как вы. Например, у меня реально снизился уровень жизни: я сегодня могу себе позволить вдвое меньше, чем ещё 4 года назад.**

— В этом и состоит сложность гуманитарной работы. Надо посмотреть на ситуацию комплексно, чтобы увидеть: вот здесь я проиграл, но здесь — выиграл. Где-то выиграла одна социальная группа, где-то другая. Эта комплексная оценка даёт возможность понять: да, в этом направлении мне стало хуже, а В ЦЕЛОМ КАК? И ещё проблема,

как ты это целое очерчиваешь, с кем удерживаешь, за что борешься. В 2000 году было наивное понимание, что всё одномерно и улучшаемо: будет только лучше. А сейчас пробивает «взрослое» понимание: выигрываешь в одном — проигрываешь в другом. Или выигрыш может быть отсроченным, через 2-5 лет, а то и для твоих потомков.

— **Типа ипотеки.**

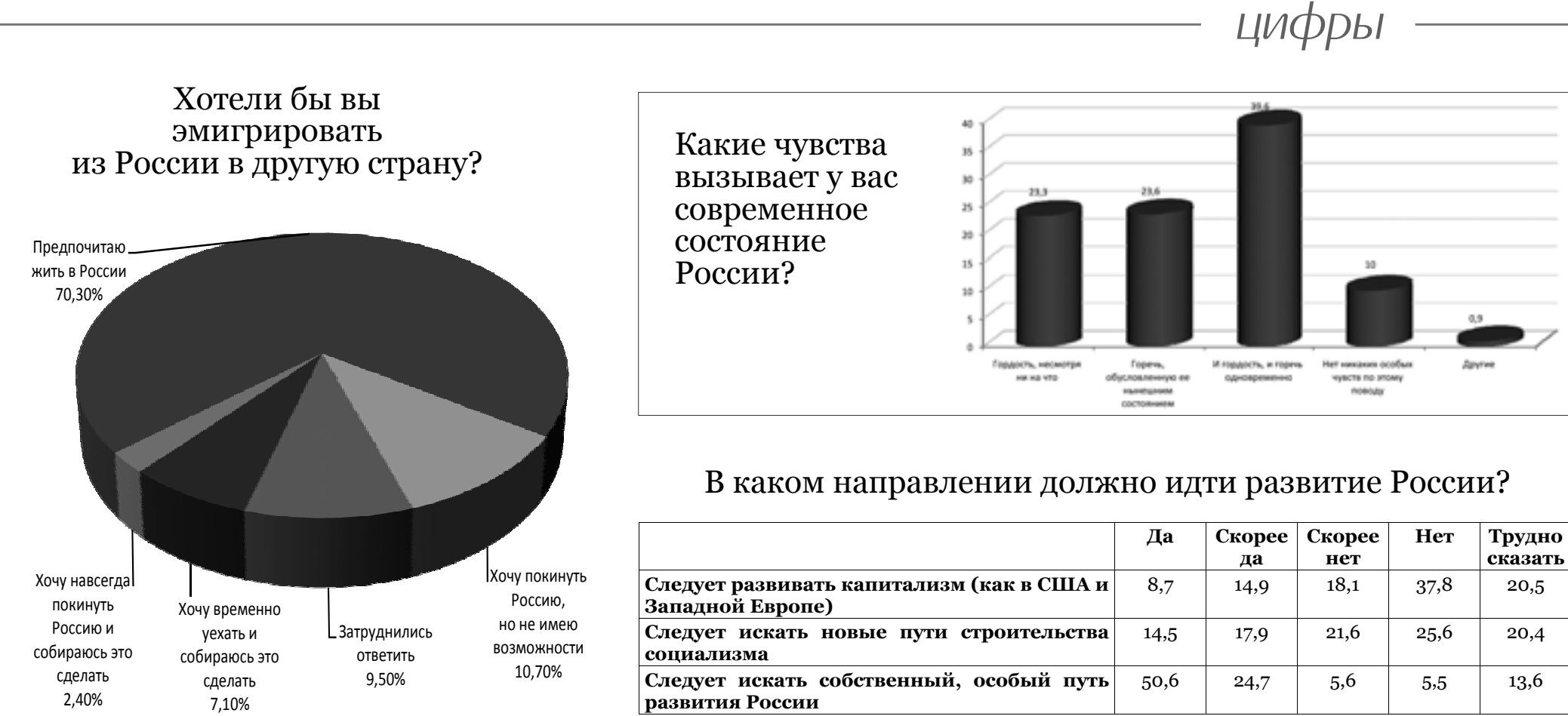
— Совершенно верно. И если в такой перспективе посмотреть — ситуация у нас не стала хуже. Нужно только принять, что мир сложно устроен, что есть в нём инерция. И тем более инерции не может не быть в такой громадной стране, как наша. Нужно принять эту инерционность и научиться ею пользоваться.

Например, заметили ли вы такую красивую вещь, которая сегодня происходит на нашем Дальнем Востоке? Там реально прорубается окно России в Тихий океан. Это по своим последствиям будет иметь такое же колоссальное влияние на нашу историю, как строительство Петербурга.

В 2009 году на Дальнем Востоке открыт порт Козьмино, и Россия начала массовый экспорт нефти не только на запад, но и на восток. Раньше Европа была монопольным покупателем, а теперь — всё. Это отметили все аналитики: Россия вырвалась из ловушки монопольного покупателя — Европы.

Это геоэкономическое событие, которое будет иметь колоссальные последствия. Номинально выход в Тихий океан у нас был, а реально, по транспортной инфраструктуре — нет. И это скажется на всех нас. Притяжение Тихого океана изменит Россию к 2020 году. Но пока мы этого не видим.

Валентина ЕФАНОВА

Русский проект переустройства мира

Чтобы случилась книжка, да ещё — коллективная, кто-то должен заболеть этой идеей и всех ею заразить. Когда авторы и составители монографии «Русский проект переустройства мира и художественное творчество XIX–XX веков» её придумывали, им было очень интересно, ведь, по их мнению, именно утопия и антиутопия определили основные типы творчества в XX столетии.

Вдохновитель книги Борис Фёдорович ЕГОРОВ — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории Российской академии наук (СПб), известнейший отечественный литературовед и культуролог. Его исследование «Российские утопии. Исторический путеводитель» в 2008 году получило литературную премию им. Александра БЕЛЯЕВА «За лучшую оригинальную научно-художественную книгу года». А чуть ранее, в 2005 году, Егорову была вручена премия имени С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА — в том числе за многолетнее руководство редколлекцией серии «Литературные памятники». Среди множества принадлежащих ему работ назовём ещё лишь книгу «Жизнь и творчество Ю.М. ЛОТМАНА», вышедшую в 1999 году (Борис Фёдорович заканчивал аспирантуру Тартуского университета, вместе с Лотманом разрабатывал структурно-семиотическую теорию, заведовал в Тарту кафедрой русской литературы). Нам удалось связаться с Б.Ф. Егоровым (сейчас он гостит у дочери в Америке) и получить ответы на наши вопросы.

Другой наш собеседник — доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы СФУ Наталья Вадимовна КОВТУН, ответственный редактор столь подходящей к нашей сегодняшней теме монографии, дала исчерпывающий комментарий по техническим и концептуальным моментам осуществлённого большого международного проекта.

В качестве последних вводных слов стоит отметить, что изучение отечественной литературной утопии активизировалось не так давно. В советский период власть опасалась обнаружить собственную связь с утопическими построениями просветителей, масонов, сектантов... Но и после разрушения глобальной утопии «советского счастливого общества» тема оказалась под негласным запретом: способность утопии осуществляться на таинственной русской почве пугала интеллигталов. Поэтому обсуждаемая сегодня ещё неизданная книга, несомненно, будет интересна не только с филологической точки зрения, но и с социальной, политической, исторической и даже экономической.

Б.Ф. ЕГОРОВ

— Борис Фёдорович, в чём ценность утопии, если это то, что не имеет отношения к действительности? И почему время от времени стоит представить заново, «репрезентовать» уже отвергнутые когда-то утопии?

— Во-первых, большинство утопий связано (по-разному) с действительностью, а, во-вторых, разве любая сказка не имеет ценности?! О репрезентации: смотрят как её понимать. Если думать о практическом использовании — то это наивно; а если в плане историческом, то всегда полезно: история — это наша культура, наша память.

— Можно ли назвать утопии или авторов, более или менее значимых? По каким критериям — художественность, оригинальность идей, возможность воплощения? И какой тип утопий близок лично вам — идеализация прошлого или технократическое будущее, футурология или эсхатология?

— Конечно, значимые — коммунизм и Г. УЭЛЛИС. (Сейчас говорят о громадном успехе «Гарри Поттера», но я недостаточно знаком со всем циклом, пока нет мнения). Критерий у коммунизма — возможность воплощения, у Уэллса — два остальных, упомянутых вами. Что касается симпатий, то «идеализация прошлого» мне неприятна, это обман и корысть (ибо мы знаем

полнее и сложнее), а будущее — хорошая лотерея, хорошая загадка.

— Во введении к монографии утверждается, что русская культура пронизана утопизмом. То есть русский человек — мечтатель и сказочник? Можно ли сказать, что из-за этого — все наши проблемы? Мы больше склонны к утопии или к антиутопии?

— Напряжённость жизни и обилие минусов в действительности толкает к утопиям. Но мы — нация сложная и многоликая. Есть мечтатели, но есть (особенно в последние два века) и строители, инженеры, промышленники, купцы. Беда в том, что такие люди требовали разворота и возможностей, а их было мало. Из-за сложностей — зигзаги и перевёртыши, так что у нас хватает и утопий, и антиутопий. Кровавые и грязные отсветы в жизни XX века усиливали, конечно, антиутопии.

— Достоевский как-то сказал: «Русский человек помечтал-помечтал — да и сделал». На ваш взгляд, это комплимент или диагноз?

— Из-за «безудержу» и «сейчас, и на всю сумму» понятие «сделал» перетекало в «пятай-валяй». А по-настоящему «сделал» исходит не от мечтаний, а от совсем других ментальностей.

— В монографии 4 раздела, причём хронологическое деление совпадает и с содержательным. То есть каждая эпоха видела будущее и хотела преобразовать настоящее по-разному?

— В заголовках, увы, есть некоторая приблизительность. Общее название сборника с пределами XIX–XX вв. не отмечает выхода в XVIII и XXI века в отдельных статьях. Так что в хронологии и содержании есть некоторые люфты. Компетентный московский музыковед, краевед, художник Г.А. ФЁДОРОВ как-то хотел научить меня восхищаться оперой ШОСТАКОВИЧА «Катерина Измайлова», объясняя некоторую речитативность музыки пунктирностью. Дескать, и всё искусство XX века пунктирно, художники нарочито отказываются от полноты изображения.

И я подумал: чрезвычайное обилие «утопических» проблем, невозможность в рамках одной книги осветить всё их богатство — не привело ли и нас, авторов и составителей, к определённой пунктирности? Ведь любого жанра конспект — не та же ли пунктирность? А расширять её может каждый по-своему.

— Можно ли сказать, что современные установки на стратегическое прогнозирование, форсайт-проекты и проч. — это просто осовремененный вариант утопии? Что из «русского утопического наследия» может быть задействовано?

— А можно ли считать, что ныне господствует стратегическое прогнозирование? Если на сутки вперёд нельзя предсказать погоду, то как можно говорить о прогнозах социально-политических?!

Я с юности мечтал о ликвидации Советского Союза, но даже за неделю до развала не был уверен, что это пришло! Чрезмерная сложность всех компонентов — против прогнозов. И не хочу мечтать ни о каком утопическом наследии.

— Утопия преобразует жизнь? Можно привести примеры влияния известных утопий на историю?

— Ещё как преобразует! Вам мало коммунизма?!

— Вы издали путеводитель по российской утопии. Откуда он начинается свой путь и куда приводит?

— Начинает он с самых древних христианских представлений о рае. А оборвал я на 1917 годе. О советском периоде нужно создать отдельную книгу.

— Определяет ли и российскую культурную традицию — как европейскую — тезис Ницше «Бог умер»? (Опять

же Достоевский писал: если Бога нет, то какой я капитан?) И утопизм ли — русское богоискательство?

— Нет, не определяет. Вернее, очень-очень частично. Слишком сложна наша ментальность и слишком много в ней религиозного. (Недавно тартуский друг философ Л.Н. СТОЛОВИЧ, всю жизнь собирающий серию баек «Евреи шутят», прислал ценную шутку о двойственности. Советская учительница на уроке: «Дети! Бога нет! Это доказала наука. Давайте подойдём к окну, покажем фиги и крикнем: бога нет!». А Моня молча стоит в стороне. «Моня, ты что же?!» — «Но если Бога нет, то зачем фига? А если Он есть, то не стоит с Ним ссориться...»).

А богоискательство и богостроительство — конечно, утопии.

— Есть ли утопии, которые можно трактовать не как порождения человеческого ума, а как откровение свыше (типа Даниила АНДРЕЕВА)?

— Это личное мнение утописта. Если у меня нет доказательств откровения свыше, то как я могу трактовать подобное?

— Утопия — это знак того, что настоящее плохо? Ей предают от безысходности — или от игривости? Какое будущее рисуют новейшие утопии?

— Чаще, конечно, от безысходности, но есть и от игривости, точнее — от игры. От желания показать не хорошее, а другое. Такую утопию найдём у Уэллса, у наших — у кн. В.Ф. ОДОЕВСКОГО. А на последний вопрос кратко не ответить: в сотнях утопий — сотни представлений о будущем.

Н.В. КОВТУН

— Наталья Вадимовна, вы — ответственный редактор издания. Как считаете, может ли оно заинтересовать широкого читателя?

— Думаю, да. Монография даёт возможность приблизиться к сокровенному в нашей культуре, истории. Русские часто живут в прошлом или будущем, нас традиционно мало интересует настоящее, поэтому мы редко его замечаем и не умеем ценить. Прогнозы на будущее, утопические проекты отражают неблагополучие настоящего, являются его своеобразным зеркалом. Русские люди — обладатели редкого качества: они стремятся жить по писанному, сбегают от ужаса реальной истории. Время им хочется преодолеть, чтобы налегке попасть в Вечность (с «ключей истории» не церемонятся). В коммунизм мы отправлялись этим же маршрутом. Сейчас, в период разочарований, жажда сказки не оставляет, однако надежда всё теснее смыкается с тоской и иронией.

— «Заказ» на утопию диктует время?

— XX век отдал дань утопии как ни один другой. Начало столетия характеризуется футурологическим ощущением времени, а его конец маркирован апокалипсическими настроениями, игнорированием истории как таковой, её отменой, десемантизацией. Усталость от безверия оборачивается жаждой нового брутального героя, новой утопии, под которую уже расчищено место. Нам следует вынести уроки из прошлых попыток реализовать рай на земле, оценить искус этого пути, но и понять саму необходимость надежды на лучшее. Глобальные утопии прошлого сегодня замещаются приватными полуутопиями, которые не так категоричны и рассматривают варианты улучшения наличного бытия «маленького человека» в немилосердной истории. Интерес к таким проектам — дань человеческому в человеке, дань надежде.

— Написанная вами глава посвящена «идиллическому человеку», причём авторы — сугубые реалисты: А. СОЛЖЕНИЦЫН, В. РАСПУТИН, Б. ЕКИМОВ, Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ. Получается, идеалист — самый что ни на есть реалистичный персонаж?

— Я не согласна с определением творчества этих авторов как «сугубых реалистов». Ранний Солженицын, безусловно, близок экзистенциалистам, а поздний создаёт своё учение «переустройства России». Знаковое произведение Распутина «Прощание с Матёрой» — классический вариант утопии, подсвеченный авторитетом народных легенд о граде Китеже и Беловодье. Повесть Екимова «Холюшино подворье» в этом же ряду, а рассказ Петрушевской «Новые Робинзоны», как и знаменитый роман Т. ТОЛСТОЙ «Кысь», есть попытка свести счёты с традиционными мифами и утопиями русской истории, политики, литературы. Попытка, выдающая зависимость авторов современного неореализма от текстов-оригиналов, от утопической традиции в целом. Однако нужно признать — идеалист в русской литературе и истории чувствовал себя всегда увереннее реалиста, был органичнее, отсюда многие наши беды и проблемы.

— Как быстро была подготовлена монография и когда её можно будет прочесть?

— Материалы собирались более года, уточнялась структура книги, имена участников проекта. Мы обратились к известным филологам-славистам Германии, Польши, Америки, России, обозначили проблематику, а далее настало самое сложное время — собирать тексты, корректировать, уточнять... Уже после завершения книги были получены интереснейшие материалы, авторы которых узнавали о проекте случайно, от коллег и знакомых.

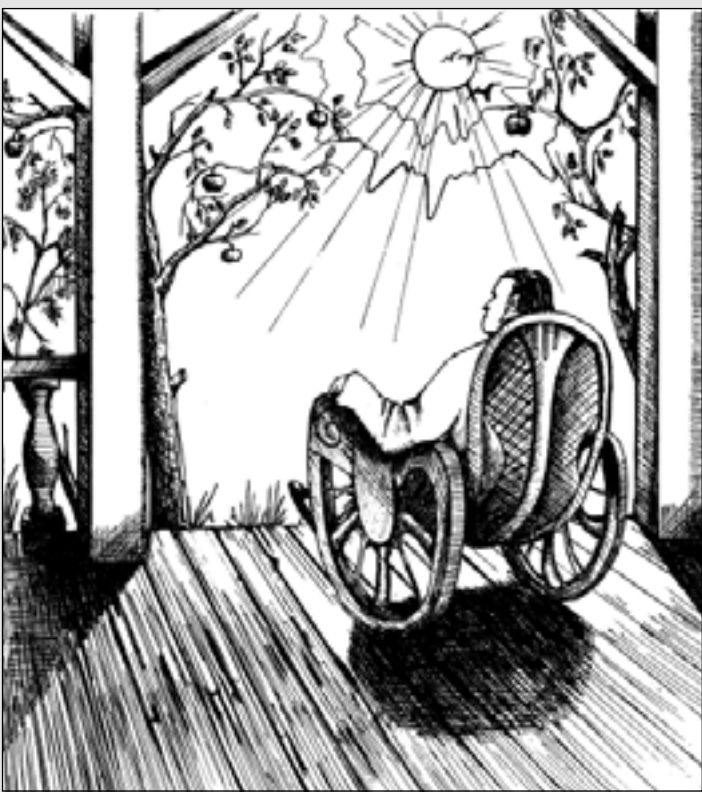
Так получилось, что все, кто имел отношение к проекту (его созданию, организации, продвижению), работали с удовольствием. У меня, например, никак не получалось заключение, текст разваливался, выглядел затынутым, и я рискнула отправить его Саше МАРКОВУ в МГУ, которого знала по публикациям в «Новом литературном обозрении». Он мгновенно откликнулся, что-то подсказал, что-то отсоветовал, и всё выстроилось.

Проект получил поддержку со стороны Сибирского отделения Российской академии наук и руководства СФУ (особенно хочется отметить помощь П.М. ВЧЕРАШНЕГО и О.Ф. АЛЕКСАНДРОВОЙ). Надеюсь, что книга выйдет в конце августа в московском издательстве «Флинта-Наука». На монографию уже есть заказы, что в сегодняшней ситуации утасующего интереса к академической книге особенно приятно.

— В книге использованы иллюстрации вашего сына Вадима Ковтуна. Он ведь экономист по образованию?..

— С иллюстрациями вышел занятный случай. Когда я узнала, сколько будет стоить оформление книги у профессионального дизайнера, то поняла, что «эту роскошь» мы себе позволить не можем. Поэтому стала просить о помощи сына, у него за плечами секция изобразительного искусства, графикой он увлекается с детских лет. Согласился — с условием, что я покажу рисунки участникам проекта, если им понравится — тогда смогу их использовать. Кажется, никто не был разочарован, заставка ко второму разделу (внизу) — моя любимая.

СФ

Иллюстрации к разделам:

- ↑ Утопия в классическую эпоху XVIII–XIX вв.
- ↑ «Светлое будущее» или обетованное прошлое. Художественные версии глобальных утопий.
- ➔ Утопические и антиутопические проекты эпохи постмодернизма.

Рисунки В. КОВТУНА

Прожить «свою» жизнь

«Ничто так не способствует созданию будущего, как смелые мечты. Сегодня утопия, завтра — плоть и кровь», — писал Виктор Гюго. Мы беседуем с теми, кто помогает людям мечтать и в реальности формировать своё будущее. Николай РЫЧКОВ, президент Красноярского отделения Профессиональной психотерапевтической лиги, и его жена Марина РЫЧКОВА, практикующий психолог-консультант, кандидат психологических наук — уверены, что каждому из нас по силам изменить своё настоящее и выстроить любое желаемое завтра.

«Хочу — иду — делаю»

— **Марина, Николай, как вы считаете, много ли сегодня молодых людей, которые не видят цели, не знают, к чему стремиться? Тяжелее ли взрослеть, искать себя в наше время?**

Марина: Я думаю, раньше было проще, но... жёстче. Имелось ограниченное количество вариантов будущего. Были понятны и они, и пути их воплощения. Если уйти совсем уж вглубь веков, то для девушек, например, пару веков назад будущее — это любовь (если повезет), семья и дети. Ни высшего образования, ни профессии. Всё, что требовалось, — получить навыки правильного поведения и ведения домашнего хозяйства. Подобные ограничения обеспечивали отсутствие личностных кризисов. Но с другой стороны, и удовольствий, интереса, свободы было намного меньше.

Николай: Современным детям сложнее хотя бы потому, что вокруг слишком много информационных потоков. Период детства значительно вырос. Выросли требования, но не появилось ощущения свободы выбора, не развилась ответственность. При этом взрослые всё время подталкивают детей к раннему выбору.

Особенно ярко незрелость молодого поколения проявляется, например, в личных отношениях. Те, кому от 18 до 22, совершенно не готовы к семейной жизни, не осознают свои границы и возможности. Серьёзные отношения в этом возрасте избыточны, чреваты неудачами и могут вылиться в душевную травму.

— **Но ведь и раньше существовали ранние браки... Гораздо более ранние.**

Н.: Раньше детство не было затяжным. В 17 лет мужчины становились генералами, женщины — матерями. В этом смысле сегодняшняя молодёжь испытывает сильное напряжение. Чем дольше ждётся взросления — тем больше напряжение нарастает.

— **А когда можно считать, что детство кончилось?**

Н.: Детство заканчивается, когда начинается подлинная самостоятельность, ответственность, свобода выбора. Человек, оставивший детство позади, уже не только пробует, но и реально проживает свою жизнь, видит смыслы во всех своих действиях, соотносит их с последствиями.

М.: Тенденции развития таковы, что граница между полами стирается, и к девочкам сегодня, например, предъявляют те же требования, что и к мальчикам. Но готовности в обществе к этому нет, люди буквально нащупывают верный путь. Однако метод «иду и пробую» очень затратен.

Дорого обходятся и попытки несколько раз получить высшее образование, и неоднократные замужества, которые каждый раз заканчиваются разрушением отношений... Словом, неправильный выбор обходится недёшево. И иногда цена перемен столь высока, что люди обращаются к психологам: «Помогите жить так, как я живу».

— **Они правы?**

М.: Тут дело в том, что мы можем помочь раньше, ещё до того, как выбор сделан! Можно сделать попытку выбора не в реальной жизни, а в так называемом дополнительном пространстве, например, используя метод психодрамы. Когда актёр играет на сцене — он живёт другой жизнью, и зрители полностью верят ему. Подобным образом можно

проиграть и собственную жизнь — ещё до того, как она случилась. И сделать это не по маме, папе, бабушке, тестам, подсказкам — а по собственным желаниям, наиболее привлекательному своему варианту.

— **То есть главное — осознать свои желания?**

М.: Верно. Если человек делает то, что он хочет, то получает удовлетворённость, счастье, уверенность. Это его авторство, его ответственность, вознаграждённые усилия, преодоление препятствий, построение себя. Алгоритм простой: «хочу — иду — делаю». Увы, психика, особенно подростковая, устроена так, что человек не до конца умеет отделять своё от чужого. Однако уж если желание действительно «принадлежит МНЕ»...

— **А как понять, где своё, а где — привнесённое извне?**

М.: Попробуйте написать 15 «я хочу». Только часть из них будут действительно поднимать эмоции, откликаться в теле. В человеке физическая оболочка неотделима от эмоциональной. Цели, которые ставит перед собой подросток, часто идут «от мозгов», но не от своих. «Я уверен, что мне надо ехать в Кембридж, я 8 лет учился в языковой школе». Да, действительно, все умозаключения свидетельствуют в пользу того, что надо ехать, это логично... Однако тело не откликается на веление мозга, оно словно «оседает», и вся энергия уходит на то, чтобы преодолеть физическое сопротивление организма.

Поэтому во время занятий мы идём не «от головы», а «от тела». Выстраивая различные траектории движения, ждём, когда в человеке проснутся эмоции.

очевидно, что стал ближе к этому, понял, что может двигаться вперёд.

— **А что дальше?**

М.: Дальше — он вернётся в привычную среду, часть которой уже сможет изменить. Но чтобы эффект был устойчивым, подростку надо помогать. Нужно научиться поддерживать его и, чаще всего, родителям нужно научиться меняться самим.

— **Почему вообще эти проблемы возникают?**

М.: Психологические травмы, случившиеся в детстве, скрывают внутреннюю энергию. Такие травмы можно сравнить с воронками, засасывающими человека. Или с большим и тяжёлым рюкзаком, который всё время приходится тащить на спине.

— **Например, развод родителей?**

М.: Как ни странно, иногда хуже совместная жизнь.

Н.: Но состав семьи важен. Ребёнок из полной семьи защищён тремя поколениями любящих людей — братья-сёстры, родители, бабушки-дедушки. Его психика на всю жизнь получает «подушки безопасности». В этом случае психотравмы проходят с меньшими последствиями.

М.: Травмы провоцирует дефицитарная среда, которая не даёт ощущения принятия, любви, формирующего багаж человека, его личный ресурс. Критическим моментом может стать поход в детский сад, школу. Многие родители ориентируются только на внешний успех: похвалы, оценки — и не знают, какой ценой даются они ребёнку. Да, он может отлично выполнять домашние задания, но иметь много проблем в эмо-

Футуропрактики позволяют нормализовать тревогу. К нам на занятия ходила девочка, до смерти напуганная ЕГЭ. После тренинга она смогла спокойно взглянуть на этот этап своей жизни, выстроить линейку дальнейших событий — в итоге появились и желание учиться, и мотивация.

Н.: Ребёнок попадает к нам, если у него мыслящие родители, если они хотят, чтобы он менялся, или видят дискомфорт. Когда у подростка страдает эмоциональный уровень, он начинает прибиваться к асоциальным компаниям. И это реальная опасность — одних только религиозных сект в нашем крае больше полусотни. Когда отец или мать осознают, что не могут установить эмоциональный контакт с ребёнком, — они обращаются к психологам. Хочу отметить, что к нам попадает узкий слой детей, обычно это дети педагогов, врачей...

Однозначные, категоричные родители, те, чей стиль жизни и воспитания связан с подавлением, не нуждаются в чужом мнении о своём ребёнке. К нам идут те, кто желает своим детям счастья и понимает, что представления детей о счастье могут отличаться от их собственных.

Главный герой

— **А взрослые? Они интересуются футуропрактиками?**

Н.: Конечно. Иногда человек приходит и говорит: я прожил свою жизнь вот так, давайте заново проиграем эту ситуацию. В другой раз люди проигрывают не уже прожитую жизнь, а ту, о которой мечтали в молодости, и порой приходят к другим результатам, к осознанию того, что если бы в своё время не останавливали себя, были внимательны к своим желаниям, то построили бы всё иначе...

— **И что же им с этим знанием делать? Если жизнь уже прожита иначе?**

Н.: Ну, если тебе не 80 лет, возможно всё. У наших слушателей пластичное мышление, они умеют думать, доискиваться до причин, интересно мыслят, пытаются понять себя. Футуропрактики вносят активность, интенсивный темп в их существование, и люди обретают качество жизни 20-30-летних.

— **Насколько, по-вашему, для человека — его внутренних установок и внешней успешности — важны позитивные представления о будущем?**

М.: У каждого из нас есть некие представления о будущем. Принципиально важно то, что после футуропрактики человек может говорить: это МОЁ будущее. Появляется осознание своих внутренних ресурсов, энергия

на достижение поставленных целей. Человек становится ресурсом сам для себя, главным героем своей жизни. Он делает то, что нужно именно ему.

Н.: Часто люди сталкиваются с внутренними конфликтами, которые не дают им двигаться дальше. Требуется проработка, «очищение» — только тогда можно идти вперёд. Позитивные представления о будущем, позитивное мышление — это преодоления, которые помогают человеку развиваться. Негативно мыслящие люди — те, кто живёт своими страхами. Это тупиковый путь.

— **Если говорить о взрослых людях, то кому в первую очередь нужны футуропрактики?**

Н.: Всем, у кого было детство. А также любому, кто не живёт сиюминутно, кто интересуется тем, что будет завтра, послезавтра и как этого достичь. Люди могут всегда изменить себя изнутри и начать жить иначе. Но не стоит заниматься футуропрактиками тем, кто живёт одним днём, кого устраивает собственная жизнь.

Только если у человека есть вопрос — на него можно получить ответ. А насильно вложить в голову знания нельзя никому. Если человек столкнётся с ними раньше, чем может воспринять, — это чревато негативными последствиями, сунчидами, скептицизмом, всякими МММ...

— **Много ли тех, у кого есть вопросы, кто интересуется самопознанием?**

Н.: К сожалению, у нас в стране по-прежнему преобладает мышление прошлого века, если можно так выразиться. Один из моих учителей, известный психотерапевт Виктор Викторович МАКАРОВ говорил, что должно смениться не менее семи поколений, прежде чем образ мышления станет другим.

— **То есть сколько лет должно пройти?**

Н.: Лет 120, не меньше. Но ведь ситуация не улучшается, напротив. Государству невыгодно иметь мыслящий народ. По-прежнему нет государственного заказа на то, чтобы люди мыслили свободно. Зарплата интеллектуальной элиты, учёных, специалистов — очень низкая. Или взять воспитателей детских садов. Какое будущее может показать ребёнку человек, который получает 5 тысяч в месяц?

Имеется огромный информационный разрыв, который невозможно компенсировать. Даже если каждый день выступать с экрана телевизора, очень сложно преодолеть заскорузлое мышление врачей и педагогов. Мы живём не просто в информационном вакууме в вопросах психологической помощи, но ещё в условиях её массового извращённого понимания.

— **А как же школьные психологи?**

Н.: В школах и на предприятиях психологами часто работают переученные учителя, а задачи им ставят административные, носящие статистический характер.

— **Каким же вы видите будущее?**

Н.: Светлым! Главная ценность жизни — это она сама. Если для человека жизнь означает больше, чем простое накопление интеллектуальных и материальных ресурсов, если он любит и себя, и других, обладает энергией двигаться вперёд — он обеспечивает себе максимальную живучесть. А те, кто живут, питая свои страхи, не выстраивают себя и пространство вокруг себя, обречены на вырождение.

— **Есть ли в современном мире тенденции к росту позитивного мышления?**

Н.: По сравнению, например, с 80-ми — да. Сейчас масса перспектив. Жить интересно.

— **А нужно ли мечтать? Что предпочтительнее: конкретно поставленная цель — или просто мечта?**

Н.: Конечно, нужно мечтать. О чём мечтаешь, того и достигнешь.

М: Если в зону мечты включаются какие-то вещи, полезные для других, то зона развития ребёнка заметно расширяется...

Н.: Когда человек живёт в согласии с собой, ему будет интересно развиваться и дальше, захочется улучшить пространство своего мира. Если в мечте о спасении человечества есть место собственному уютному дому — это одна и та же мечта.

**Татьяна АЛЁШИНА
Фото Нины ЛИТВИНОВОЙ**

Сверну я на Менжинского, дойду и до Киренского...

«Глинки — это на правом. За КратЭЦ, практически на выезде из города, если в сторону Камарчаги. Через «Три семёрки» даже лучше будет добраться. Если через Коммунальный и Красаб — кто знает, может, там всё стоит в это время намертво».

Вроде бы, разговор по-русски, но не всякий разберёт, что здесь к чему. Зато местные жители любят такие особенные приметы, делающие родное пространство неповторимым и близким. Любят эту лексику и лингвисты, дотошно вникающие в словоупотребления, принятые в том или ином городе. «Язык (всякого) города» имеет не только своё прошлое и настоящее, но и прогнозируемое будущее. Расшифровать этот уникальный код, при помощи которого горожане общаются между собой, а город обращается к ним, мы попросили Лилию Зуфаровну ПОДБЕРЕЗКИНУ и Анну Алексеевну ТРАПЕЗНИКОВУ, специалистов Института филологии и языковой коммуникации СФУ.

— **Что такое «языковая среда города»?**

Л.П.: Это тексты, которые нас окружают в городском пространстве. Вывески, указатели, наружная реклама, городские плакаты, граффити, объявления... Они формируют «внешнюю» языковую среду. А есть и повседневная языковая жизнь горожан в различных ситуациях общения, связанных с транспортом, торговлей, отдыхом, участием в городских праздниках, каких-либо акциях. Поэтому исследования языка города включают изучение городской речи, городского просторечия и того, что является предметом лингвистического градоведения — наименования городских объектов (урбанизмы).

Родоначальник таких исследований в Красноярске Татьяна Викторовна ШМЕЛЁВА отмечает, что языковой облик города во многом определяется его географией, системой ориентиров. Для Красноярска важна расположенность по берегам Енисея, начиная со Стрелки, где Кача впадает в Енисей. Основные ориентиры — *левый/правый, выше/ниже*, неофициальные названия районов — *Взлётка, Роща, Покровка*.

— **«Язык города» соотносится с меняющейся культурно-исторической ситуацией?**

Л.П.: Он обновляется каждые 10-15 лет — в связи с политическими и социально-экономическими преобразованиями. Мы уже не помним обезличенной среды городов советского периода — гастрonomy, универсамы, булочные, аптеки с номерами и лозунги «Слава КПСС!». Добавим сюда улицы Ленина, Маркса, Энгельса — и получим стандартный набор с небольшими локальными отличиями.

«Онимический взрыв» начала 1990-х, поток коммерческих наименований, заимствований, *«Джинсы № 1», «У дядюшки Сэма», «Рабыня Изаура»* — это наше совсем недавнее прошлое. За годы реформ в лексиконе горожан появились *офисы, фитнес-центры, ночные клубы, солириш, маркеты*.

Но в наибольшей степени для сознательного воздействия людей открыты названия улиц, проспектов, набережных (годо-нимы) и самих городов. Если обратиться к истории, то можно увидеть, как уже при Петре все наименования были сориентированы на Запад: русский Орешек стал Шлиссельбургом, появились Петербург, Екатеринбург, Кронштадт, Ораниенбаум.

— **И всё-таки, зачем изучать язык того или иного города? Это тот же русский язык, все отличия — местные названия. То есть всё сводится к топонимике? Можете ли вы привести в пример красноярские словечки или обороты, которые презирий не поймёт или по крайней мере удивится?**

Л.П.: Замечательный пример подарил нам Т.В. Шмелёва. Проверила сочинения четверо-классников на тему «Мой папа», она прочла: «Я хотел бы, чтобы мой папа был летчиком, а он собирается в *стайке* с друзьями и выпивает». Решила, что это уподобление воробышкам в стайке

и умилилась. Татьяна Викторовна приехала из Москвы и не знала, что стайкой у нас в Сибири называют сарай. Организовав в 1989 году рубрику «Языковой быт города», она описала многие «языковые приметы» красноярцев. Среди них — *сильно* в значении «очень» (*сильно устала*), *на сто рядов* и *всяко-разно, водиться с ребёнком, запурхаться*, формула упрёка — *Ты чё такой-то?*

Другая наша коллега из Москвы, Е. ШИРОНИНА, выяснив, что филфак университета находится «на Маерчака или на горе», тоже была очень удивлена: «Что же это за *майорчик* такой, в честь которого улицу назвали? И что это за *гора?*».

Для нас, жителей Красноярска, эти приметы практически неуловимы. Но вот неофициальные наименования городских объектов очень даже на слуху — *Ботаничка, Академ, Лука* (сквер, где стоит памятник архиепископу Луке: «*встретимся на Луке*»).

На кафедре русского языка исследования языка Красноярска ведутся с 1983 года: подготовлены сотни дипломных исследований, научных и популярных публикаций, 3 кандидатские диссертации. Изучением речи горожан давно занимается Л.А. КИСЕЛЁВА. Мой авторский курс для филологов «Лингвистическое градоведение» даёт возможность студентам не только ознакомиться с многоаспектным изучением городского языкового быта, но и получить опыт самостоятельных «градовед-

фирм, не проверяют, насколько оригинально придуманное наименование. Итог печален: в лучшем случае название просто неблагозвучно и не ассоциируется со сферой деятельности компании, в худшем — владельцы вынуждены отстаивать свои права через суд, потому что кто-то уже использовал то же имя для другой организации. Например, компания, занимающаяся реализацией железобетонных конструкций, именуется «РАFILIA». Ни один из опрошенных нами респондентов (а их было две тысячи!) не ассоциирует данное имя с профилем организации. Высказывают предположения, что так может называться марка женской одежды, линия косметических средств или средств гигиены, парикмахерская, солярий, учреждение по уходу за детьми...

Восприятие коммерческих наименований мы анализировали с помощью различных методик — ассоциативного эксперимента, метода субъективного шкалирования и других. Нами была разработана уникальная авторская методика, которая позволяет оценить коммуникативную эффективность коммерческого имени ещё на этапе его вхождения в языковую среду города: какие именно ассоциации будет вызывать наименование, как оцениваться горожанами.

К сожалению, коммерческая номинация не регулируется законодательно, но я убеждена, что этим вопросом должны заниматься именно лингвисты! Нами подготовлен проект Го-

точной («PR Люд и Я»), а иногда и стереотипной — в Красноярске четыре организации имеют название «ВеетЛога». Актуальны в настоящее время разговорные лексемы, жаргонизмы типа «Япона мать», «Фарт», «Разводяга», «Япошка».

Есть и приятная для меня тенденция. Если в 1990-х — начале 2000-х модно было всё европейское (всевозможные «Парижы», «Бонжуры» и «Люксы»), то сейчас, по моим наблюдениям, предприниматели возвращаются на родную почву. Используют наименования с формантами «сиб», «крас», прецедентные имена — ГАДАЛОВ, СУРИКОВ. Думаю, это связано с изменениями в нашем мироощущении. По данным последней переписи, несколько тысяч россиян в графе «национальность» написали «сибиряк». Поэтому я уверена: всё сибирское теперь будет вызывать интерес. И первой ласточкой, подтверждающей мои наблюдения, стало название новых торговых комплексов — «Сибирский городок».

— **Ведётся ли в нашем городе целенаправленная политика по наименованию городских объектов и какова роль учёных-лингвистов в этом процессе?**

Л.П.: Проект «Языковая политика в современной городской среде» — это важное направление нашей совместной научно-исследовательской работы. Принципы языковой политики разрабатываются для каждой подсистемы — наименований улиц, коммерческих объектов.

Разномастная самодельная реклама (на каждом свободном «клочке» заборов) очень уродует наш город

ческих» разысканий. Надеемся реализовать нашу общую мечту — издать книжную серию «Язык Красноярска», содержащую весь накопленный материал и опыт его теоретического осмысления.

— **У вас были языковые открытия?**

Л.П.: Моё «открытие» — язык столбистов, именно язык, во всём многообразии его собственных имён, терминов, жаргонизмов, «профессионализмов» и словообразовательных моделей, характеризующий уникальное сообщество людей и уникальное культурно-географическое пространство Красноярска. Исследование, начатое в 1983 году с трёх неизвестных мне словечек — *столбист, Пыхтун* и *Шкуродёр*, воплотилось в дипломную работу, а в 1995-м — в кандидатскую диссертацию «Корпоративный язык: принципы исследования и описания (на материале языка столбистов)».

Моя ученица и коллега Анна Алексеевна совершила своё открытие — описала модель ономастического сознания горожанина. В этом году нами в соавторстве была издана одноимённая монография.

А.Т.: Мы изучали наименования коммерческих объектов Красноярска: фирм, компаний, парикмахерских, саун, химчисток и т.д., анализируя как процесс присвоения имён (нейминг), так и особенности их восприятия горожанами. Мне очень приятно, что Татьяна Викторовна Шмелёва назвала мою работу пионерской, а само исследование — инновационным.

Разработанная для имяда-телей анкета позволила реконструировать номинативный акт — от этапа замысла до прогноза восприятия имени горожанами. Оказывается, 70% опрошенных предпринимателей вообще не задумываются о том, как именно воспринимаются названия их

родской нейминговой службы, которая могла бы оценивать новые наименования, в том числе их грамотное написание для регистрации, и давать предпринимателям рекомендации. Методическое пособие с такими рекомендациями уже готово, причём они разработаны с учётом особенностей восприятия именно красноярцами.

— **Как изменились тексты городской среды за последнее десятилетие и как эти изменения характеризуют город и красноярцев?**

Л.П.: Прежде всего бросается в глаза многообразие форм наружной рекламы — плакаты-перетяжки, флаги, баннеры, выносные щиты, реклама на балконах и т.д., что значительно увеличивает плотность этого типа текстов в городском пространстве. Можно отметить новые темы, например, связанные с периодом кризиса (*Держись, браток!*), оригинальные идеи (мне очень нравилась реклама «Альфабанка» — изображение бумажного самолётика и актуальный слоган: *Бумаги должны двигаться быстро!*). Новые жанровые формы обнаруживаются в социальной эпиграфике, например, жанр репортажа: *Плохие новости для гряды: 2-хмесячный субботник по благоустройству Красноярска!* Но самые заметные изменения связаны с коммерческой номинацией.

А.Т.: Ещё 10-15 лет назад предприниматели не мудрствовали и выбирали относительно незатейливые названия, вынося на обозрение информацию о себе (вспомните, сколько «Юлий», «Снежан» и «Вероник» появилось тогда в городе). Сейчас номинативный акт имеет соревновательный характер: у кого интереснее, необычнее, эпатажнее. Поэтому очень много языковой игры, иногда избы-

Вместе с депутатом Законодательного Собрания края А.М. КЛЕШКО я была разработчиком «Положения о наименованиях и переименованиях внутригородских объектов в г. Красноярске», утверждённого решением Красноярского городского Совета от 08.04.1999. Оно определяет принципы языковой политики в городе, а также регулирует порядок переименований. В соответствии с данным положением, в целях сохранения стабильности языкового быта города, переименования центральных улиц Красноярска, а также природно-ландшафтных объектов (*Караульная гора, Татышев остров, остров Отдыха* и т.п.) не допускаются.

Но наиболее сложное звено языковой политики — это административная практика. На выбор официальной номинации могут существенно повлиять результаты социологических опросов горожан. Так, с учётом предпочтений красноярцев, в новых микрорайонах появились улицы *Ясная, Отрадная, Просторная*, переулки *Удобный, Ухоженный, Любимый*, присвоено наименование *Ярыгинская набережная* и др.

В отличие от этих «народных» названий, банк наименований, предложенный Топонимической комиссией при администрации города, ориентирован, в основном, на историю. К спорным, с моей точки зрения, могут быть отнесены наименования *Алтысарская, Ададымская, Канбиревская, Ондербинская*. Они не слишком удачны: сложные для написания, произношения и запоминания. Можно прогнозировать спорное отношение горожан и к вариантам *Амбарная, Товарная, Изобильная*... Вместе с тем банк включает и удачные наименования, которые могут пополнить карту новостроек — *Подлесная, Про-*

гулочная, Ранетная, Дозорная, Острожная.

Все эти факты свидетельствуют о сложности присвоения официального имени улице, которое, с одной стороны, должно быть мотивированным, включать необходимый объём ориентирующей или историко-культурной информации, а с другой, — благозвучным, эстетичным, вызывающим положительные эмоции.

— **Очевидно, это черта нашей деидеологизированной эпохи — именовать улицы нейтрально-красивыми, умиротворяющими именами цветов и растений, как в микрорайоне Ботаническом (где я живу). А можно сегодня назвать улицу в честь «героя наших дней» — писателя, спортсмена, учёного?**

Л.П.: Такое наименование возможно только после смерти человека, признанного современниками и достойного увековечения. При этом необходим период рефлексии — проверки временем, чтобы избежать скоропалительных решений, ведущих в дальнейшем к переименованию. Требуется не менее десяти лет, чтобы убедиться: человек живёт в памяти горожан. Так случилось, например, с именем Ивана Ярыгина.

— **Если пометчать — в какой языковой среде вы хотели бы жить и работать?**

Л.П.: В такой, где у человека воспитано чувство нормы. Где культуре владения языком придаётся большое значение. Язык часто сравнивают с деревом, и я вспоминаю образ, представленный М.И.ЧЕРЕМИСИНОЙ: дюжая баба выплёскивает на это дерево пивные помои, мужики об его кору гасят свои сигареты, закапывают под ним бутылки и консервные банки... «Язык мечты» — это дерево, за которым ухаживают и наслаждаются его красотой и мощью.

А.Т.: Насколько приятно ходить по чистым улицам, настолько же приятно слышать не загрознённую бранными словами и жаргоном речь. Дело в том, что у нас утрачено понимание ценности текста: этим словом стали называть нечто, написанное «левой ногой» и не откорректированное. А ведь текст может рассказать о нас больше, чем мы сами за всю свою жизнь. Поэтому нужно относиться к тексту как к ценности, работать над ним, продумывать в деталях.

— **Как считаете, каким будет язык красноярцев через 50 лет?**

Л.П.: Это зависит от того, какими будут новые поколения, какова будет наша культура. Язык во многом существует в виде способности и умения людей создавать тексты. Сегодня эта способность, к сожалению, утрачивается с неимоверной скоростью. Некоторые наши студенты не умеют склонять слова! Реклама без пунктуации становится нормой. Деловые письма словно специально создаются с установкой на тавтологию в каждом предложении. Хочется верить, что это будет язык живых мыслей и живых слов.

— **Представьте, что вы определяете языковую политику страны. Какие распоряжения отдали бы в первую очередь и какую цель поставили бы?**

Л.П.: Полноценный, широко обсуждённый, действенный закон о русском языке. А цель сформулирована давно опять же М.И.Черемисиной: «Когда на таком языке-айсберге, как русский, перестают говорить и писать грамотно и вразумительно, это не трагедия языка. Это трагедия нации».

— **Скажите, а как вы общаетесь с обычными людьми, чья речь далека от совершенства? Умеете «отключать» в себе лингвиста, внутреннего критика, страдающего от каждого некорректного обращения с русским языком?**

Л.П.: Есть замечательное наблюдение: искусство беседы состоит в том, чтобы знать, чего нельзя говорить. Любый лингвист в коммуникации, продолжая свои профессиональные наблюдения, знает, что он может позволить себе именно в этой среде. Я увлекаюсь парусным спортом, общаюсь с друзьями-столбистами и, конечно, стараюсь, чтобы мой лексикон соответствовал ситуации.

Татьяна МОРДВИНОВА

Красноярск-2020

Итак, 2003-й год. Андрей ШАЛИМОВ, на тот момент первокурсник журфака КГУ, регистрирует домен krasnoyarsk2020.ru. Что происходит дальше? Создаётся сайт, впитывающий в себя все проекты, реализация которых укладывается в рамки «до 20-го года». Набирается таких проектов довольно много: здесь и первые станции метро, и проекты жилых кварталов, и идеи насчёт туристической привлекательности города, и даже совсем уж маловероятные планы проведения в Красноярске Олимпиад. Это сегодня мы знаем, что, скажем, на 2008-10 годы вообще ничего планировать не стоило — кризис всё равно не дал развернуться. Знаем и о том, что авиахаб в Емельяново остаётся призрачной мечтой, которую с красноярцами теперь не разделяет Федеральная программа развития хабов.

Однако уже семь лет назад Андрей понимал, что не только в деньгах счастье, что нужно сколачивать коллективы единомышленников и двигаться в сторону Красноярска будущего по дороге гражданских инициатив.

— Я заканчиваю аспирантуру, у меня родился ребёнок, но я и сейчас периодически участвую в мероприятиях, касающихся красноярского будущего. Обычно два разговора идёт: чиновники отчитываются о том, что они написали в своих программах развития, бизнесмены слушают с очень кислыми лицами, после чего говорят, мол, ребята, всё же не так, как вы расписываете в своих программах, всё намного хуже. И в этот момент должна появиться третья сила — гражданское общество, движение «Красноярск будущего», назовём его так. Это сообщество людей, которые заботились бы и думали о будущем города, вмешивались бы в дела чиновников, контролировали их планы развития, написание ими программ... То есть это вопрос третьей силы — гражданского контроля. Примерно такую гражданскую ячейку я и хотел вырастить на базе нашего сайта.

— А какая мотивация должна быть у граждан — контролировать действия власти по поводу какого-то смутного будущего? С нас и сегодняшних проблем достаточно.

— У Хлопонина была прекрасная идея, которая могла бы вселить уверенность в горожан, заставила бы поверить в наше светлое будущее. Это идея провести у нас ЭКСПО-2020. Не знаю, почему она провалилась. В России, конечно, избыток глобальных проектов: Олимпиада в Сочи, чемпионат мира по футболу, саммит АТЭС. Видимо, на этом фоне не хватило денег на наш проект.

Хотя стоит о нём вспомнить и заложить, допустим, на 2028-й год, 400-летие Красноярска, можно успеть.

То же самое метро — это же такой прекрасный проект к годовщине города! И перспектива вполне реализуемая. К 400-летию и на федеральные инвестиции можно рассчитывать. Но Красноярску не хватает идей. Есть городская программа развития и позиционирования, которая называется «Город инноваций, партнёрства» и чего-то там ещё. Скучный документ, его неинтересно читать. А нужно — как повесть, эссе. Чтобы почувствовать, ощутить город, чтобы он имел уникальные черты.

— Ну, у нас есть уникальный заповедник Столбы, у нас самая полноводная река России — Енисей, спортивные команды — хоккей с мячом, регби. Есть и производственные мощности. Этого не достаточно?

— Мы говорим про разное. Это советский город развивался вокруг заводов. Современный же город — место для жизни. Заводы, по-хорошему, должны быть вынесены за городскую черту. Должны появляться уникальные способы проведения досуга, проекты в сфере услуг. Сейчас этого очень и очень мало. Кстати, у нас есть замечательный бренд столбистского движения. Такого больше нигде нет, поэтому его и нужно развивать. Фишек должно становиться всё больше и больше. Приверженцы одних сфер должны объединяться с единомышленниками, скажем, в социальные сети, контактировать с другими группами и т.д.

— Есть примеры российских городов, где концепция развития уже работает?

— Если мы будем ориентироваться на кого-то, то никого и никогда не обгоним. «Вкон-

такте», например, выросла из Санкт-Петербурга, «Фейсбук» появился в Гарварде. Соответственно, могут появиться и те, которые будут строиться на красноярской земле.

— Это всё онлайн-ово?

— Может, и оффлайн-овые сети. На «Бирюсе» в прошлом году молодой человек предлагал построить гигантскую катапульти. Проект не был поддержан, но сама фишка хорошая. Ролевики как явление, как сообщество сосредотачиваются в определённом месте и в определённом времени. То есть Красноярск, например, может стать городом ролевиков, городом хипстеров, ещё кого-то. Но город хипстеров уже есть — это Петербург. Должно появляться что-то новое, объединяющее молодёжь.

— СФУ в этом смысле подходит на роль связующего звена между группами молодёжи?

— Как, скажем, Гарвард, в котором много разных клубов.

— Клуб любителей прилепить жвачку под стол, клуб любителей почесать за ухом — всё это было, но очень быстро изжило себя. Мне кажется, это нам вообще не очень свойственно. Российская молодёжь в массе своей избегает объединений в группы по интересам.

— Но если это объединение может приносить деньги или способно совершить технологический прорыв, то оно снова станет привлекательным для

— Вот постройка метро и была бы прекрасной отправной точкой для развития патриотизма и мыслей о будущем.

— Не только для губернатора и чиновников, которым не приходится по полтора часа добираться на работу по пробкам, но и просто для автовладельцев, которые уже привыкли к машине, — необходимость метро перестает быть очевидной.

— Так у нас и парковок дефицит.

— Город — это, прежде всего, ощущение, а не парковки и метро.

— Ощущение складывается из мелочей: ты вышел из метро, идёшь по красивому городу, тебе хочется здесь жить и связать свое будущее с этим местом. Тогда ты и начинаешь думать о том, как это будет развиваться до 20-го или 50-го года. А пока хочется снять в Петербург или в Москву и иметь там гораздо больше возможностей.

— Прекрасный пример про развитие города — фильм Майкла Уинтерботта «Круглосуточные тусовщики». Там речь идёт о том, как в конце 80-х Манчестер стал центром музыкальной культуры за счёт появления одного танцевального клуба. И это произвело фурор в музыкальном мире, объединило кучу народа. Я говорю именно о таких объектах, которые сделают город центром определённой культуры. Именно это требуется, чтобы город заиграл красками.

— Судя по проектам с твоего сайта krasnoyarsk2020.ru, у нас планировались не клубы, а одни только торгово-развлекательные центры.

— ТРЦ могут быть центрами консьюмеризма и гедонизма, а могут — центрами культурно-развлекательными. Но это проекты бизнеса, который понимает, что большая часть населения готова только покупать и торговать.

— Вот у нас есть «Огни», проект, даже не успевший вылупиться из яйца.

— А два других проекта — «Июнь» и «Планета» — чувствуют себя замечательно. «Планете» повезло в том, что она успела открыться до кризиса. «Июнь» согласился потерпеть чуть-чуть и поработать в убыток в кризис, а владельцы «Огней» сдались. Если бы потерпели — тоже были бы сейчас на плаву. Рентабельность торговли в нашей стране на втором месте после производства ресурсов. Люди не знают другого способа

— В Новосибирске лучше развит средний и малый бизнес, потому что там крупных заводов не было. А у нас все привыкли к серьёзным дотациям, льющимся через широкую воронку, и люди маленькими ладошками собирали их. В Новосибирске нужно было крутиться, и бизнесмены старались сделать что-то новое, вне конкуренции. «Кириешки» придумали там и вскоре вышли на Россию. Таких проектов из Красноярска нет. Необходимость в том же Wi-Fi для новосибирцев была намного выше, там, чтобы заработать, нужны были ноутбуки и Wi-Fi. А у нас люди привыкли к другим способам жизни — к воронке, откуда деньги текут.

— Выходит, красноярцев хлебом не корми, дай чего-нибудь купить. Не первый год они ездят в шоп-туры в новосибирскую IKEA, а о том, чтобы открыть здесь свою, только вот на днях задумался блогер Василий Дамов: надо нам, говорят, всеми силами шведов приглашать.

Давно у молодёжи есть потребность и в Макдоналдсе, и в Старбакс, но что-то они к нам не идут.

— Не было бы кризиса, IKEA пришла бы. Это всё случится вне зависимости от красноярцев. Мы тут при чём? Получим качественную услугу, но не более.

— Так отсюда и общее настроение, радость жизни.

— Радости от жизни у нас хватает. Единственный момент, когда наши жители не испытывают радости, — это момент простоя в пробке. В остальное время они жуткие патриоты. Средний житель ведь кто? Он после работы съездил за покупками в ТРЦ, возвращается домой. Ему 30-40 лет. Он доволен своим городом. И не будет продумывать проекты.

А современная молодёжь, даже поступая на инженерные специальности, не теряет надежды, что их жизнь будет связана не с тем, чтобы действительно в шахтах добывать уголь или крутить вентиль на нефтяной сква-

года совершаю судорожные попытки повторить подобный опыт в разных сферах. Но не хватает терпеливых людей, которые готовы растить 10 лет проект на нашей суровой почве. Значительно проще устроиться менеджером, иметь стабильную тридцатку в месяц, чем 10 лет выращивать саженец. В это время как жить, на что?

— Это можно понять. В том же Гарварде — ты что-то создаёшь, понимая, что есть хорошие дотации, заверняка найдётся спонсор, потому что система взаимодействия с бизнесом отлажена. У нас же неизвестно, что будет завтра.

— В нашей системе нет второго шанса. У меня есть друг, он открыл в Красноярске достаточно инновационный рекламный бизнес, который существовал ровно год. Разорился, продал всё, что было, отдал долги и уехал в Монголию преподавателем английского языка. Там зарабатывал в три раза больше, чем здесь на своём бизнесе.

Теперь вернулся сюда и ломает голову: что бы придумать ещё? Но ему сносит крышу от того, что будучи простым монгольским преподавателем, он получал больше, чем когда был русским владельцем бизнеса.

— Означает ли это, что перспектива 2028-го года для нас печальна?

— Нет, перспективы есть, но они прячутся в умах тех, кто где-то ещё сидит в аудиториях. С одной стороны, даже хорошо, что эти проекты не светятся. Я за свою жизнь придумал две вещи — термин «Красноярск-2020» и «Универсинале» и в данный момент ни к одному из этих проектов не имею отношения. То есть кроме возможности заявить свою идею и людей, готовых работать над ней вместе с тобой — нужна ещё гарантия, что твою идею не свернут.

— Для заявления место есть — «Бирюса», например.

— Её нет! По замыслу — должна быть такой площадкой, но на самом деле нет там команд, нет идей, нет инвесторов. Те, у кого что-то есть, не ездят на «Бирюсу», у них и так всё хорошо. И получается, условно говоря, что у тех, кто на «Бирюсе», — всё плохо. В сообществе людей, у которых всё плохо, ничего не вырастет. В чём секрет Гарварда? Там 70% ребят — отпрыски богатых родителей, у них всё хорошо, а 30% приехали оттуда, где всё плохо. И вот они встречаются — Марк Цукерберг и эти ребята, пловцы из фильма. У нас такой возможности практически нет.

Хотя, может, у нас всё нормально, на самом деле? Лучше же, чем в Ливии, чем в Египте.

— Давай зайдём с другой стороны. Вот, например, Исландия. Страна живёт рыболовством и при этом подогревает улицы гейзерами. Это ведь не инициатива граждан, скорее всего, мэр решил сделать, так сказать, доброе дело для жителей. Он подумал о них, они чувствуют эту заботу. Значит, у них есть будущее.

— У нас нет гейзеров.

— У нас есть много всего другого. Но чтобы подогреть тротуар, не нужны гражданские инициативы.

— Это правда. Вся наука в нашей стране может быть ориентирована на то, чтобы сделать жизнь в наших суровых природных условиях лучше, проще. Придумать асфальт, который не будет рассыпаться каждый год. Это научная задача. Есть в СФУ эти ребята, которые думают над такими проблемами? И думают каждый день.

— Они думают, как дальше в жизни устроиться.

— Если ты придумаешь асфальт, который бы не разрушался, ты обеспечишь свою жизнь навсегда.

Но это всё лирика. А физика вот она: нам надо придумывать проекты, из которых что-то вырастет. Или становиться менеджерами среднего звена. Родителям мы можем сказать: раз вы, бросив свою науку и занявшись бизнесом, растили нас, то теперь и нам приходится растить своих детей, ваших внуков. Или кормите нас дальше — пока мы будем создавать интеллектуальную почву для будущих поколений.

Юрий ПУШКАРЁВ

Фото Алины ЛАНДИНОЙ

молодёжи. Скажем, клуб любителей водорослей, который однажды изобретёт какое-то невиданное лекарство, — чем это не проект? Таким же проектом может быть сообщество «Красноярск-2028», например.

— Мне кажется, мы все хотим сначала получить какие-то гарантии успешного будущего, а потом уже думать о нём всерьёз. Скажем, у нас строится McDonald's и IKEA или там метро, и народ понимает: ага, у нас что-то всё-таки происходит, есть потенциал. Тогда и будем кучковаться вокруг этого и двигаться вперёд. А на ЭКСПО народу, в принципе, наплевать: ну выставка большая, потрачено на неё денег уйма, и что?

— Если исходить из этого — населению не наплевать только на цену проезда в городском транспорте.

провести свободное время, кроме как гулять по магазинам.

— Это укладывается в общемировую тенденцию развития общества потребления.

— Поэтому так много торговых центров в планах. Есть ещё одно развлечение — виртуальная жизнь. Но в этом смысле Красноярск очень отстаёт от, скажем, Новосибирска. У нас первая точка доступа Wi-Fi появилась через 5 лет после Новосибирска. Мы отстаём по количеству пользователей от европейской части страны, по скорости Интернета, по всему. Это почва, на которой что-то и должно вырасти. Но пока в Красноярске мало проектов, которые вышли на Россию. В своё время был celler.ru, но это даже не web 2.0. Нужна плодородная почва, чтобы что-то выросло, а её пока нет.

— А чем мы хуже Новосибирска?

жине. Она — постиндустриальная. Но, увы, не ходит на выборы и не составляет большинство.

— Есть какой-то способ мотивировать молодёжь на действия?

— Нет такого способа. Даже за рубежом.

— Как же развиваются западные города?

— На плодородной почве.

— Так это главный вопрос: как создать почву?

— Должны появиться сообщества. Вот мы создаём клуб любителей чего-нибудь, начинаем общаться с другими людьми, привлекаем их сюда. Как, например, Эстония в советское время стала центром изучения русской культуры? А там был Лотман, который вокруг своего интереса создал тартуский кружок. Подобные кружки и становятся почвой для постиндустриальных проектов. Я с 2003-го

Машина времени: пункт назначения — будущее

Попытка обзора футуристических «штучек» в кино, литературе и жизни

С точки зрения древних майя, будущее должно вот-вот закончиться. И, может быть, предстоящий конец света — всего лишь начало чего-то другого, но нас с вами там уже не будет (если не ударяться в метафизические рассуждения). С точки зрения ливийских оппозиционеров, будущее должно быть свободным и демократичным. Хотя тут тоже возможны всяческие толкования. А с точки зрения моей кошки, будущее будет тёплым и сытым, по вечерам будущее будет звенеть колокольчиком, а по утрам наливать молочко в мисочку.

У каждого из нас своё, персональное будущее. Кто-то станет известным певцом. Кто-то продаст квартиру, отстроит бороду и отправится в путешествие. Кто-то будет открывать новые театры, а другой — в них ходить. Именно из этой мелкой мозаики и сложится общая картина. Так что, если внимательно посмотреть по сторонам, можно угадать некоторые приметы нашего будущего в настоящем.

Завтра, о котором нас предупреждали

Представьте себе общество, где естественно и респектабельно появляться на свет из пробирки, где отношения полов не влекут за собой ничего, кроме траты времени, где учёные занимаются только тем, что создают новые виды наркотиков, чтобы манипулировать человечеством. В таком обществе нет места человеческим эмоциям, мыслям, дружбе. Здесь сжигают книги, здесь имена заменены на порядковые номера, а каждый день похож на предыдущий. Но у людей не только отняли настоящее, превратив его в физиологическую рутину. У них отняли ещё и прошлое, которое переписывается каждый раз так, как удобно правящей верхушке. И будущее просто не существует в системе, где все попытки вырваться за границы караются смертью. Люди будущего думают, что управляют машинами, но на самом деле сами являются лишь безликими, безголосыми механизмами исполнения чьей-то воли.

Даже социальное разделение создаётся искусственно. В пробирки с человеческими эмбрионами учёные добавляют разное количество спирта, чтобы задержать умственное развитие. Появляются люди «альфы» и люди «беты», специально выращенные для административной работы; люди «гаммы», «дельты» и «ипсилон» — для тяжёлого физического труда и т.д.

Не думаю, что ЗАМЯТИН и ОРУЭЛЛ, БРЭДБЕРИ и ХАКСЛИ были такими уж большими пессимистами. Работая над своими романами, они ориентировались на политические и социальные тенденции настоящего.

Жизнь по градуснику

В научном сообществе до сих пор идёт климатическая война. Половина учёных считает, что идёт потепление. Вторая половина уверена: мы живём в эпоху малого ледникового периода, а дальше — похолодание. Но о каких-либо глобальных (читайте, страшных) климатических скачках учёные пока не говорят. Зато об этом кричат голливудские режиссёры. Фильмы «2012», «Цунами», «Вулкан», «Ледниковый период», «Послезавтра», «День катастрофы», «Дневной свет» и многие другие более чем красочно описывают климатическое будущее человечества.

Человек всегда влиял на климат. Древний земледelec, освобождая землю под пашню, вырубал лес, тем самым провоцируя увеличение скорости ветра у земной поверхности и даже изменение температуры. Но подобные «мелочи» влияли на погоду только в определённых районах. Сегодня масштабы другие.

Главная геофизическая обсерватория имени ВОЕЙКОВА Росгидромета климат будущего называет «нервозным». Исходя из прогнозов, нам придётся записать от перепадов погодного «настроения». Температурные аномалии, наводнения, засухи, ураганы — вот неполный список предстоящих климатических сюрпризов. Конечно, в такой большой стране, как Россия, и изменение погоды будет проходить на разных территориях по-разному. Самый важный вопрос — вода. На севере, в Поволжье, Урале, Сибири водообеспечение

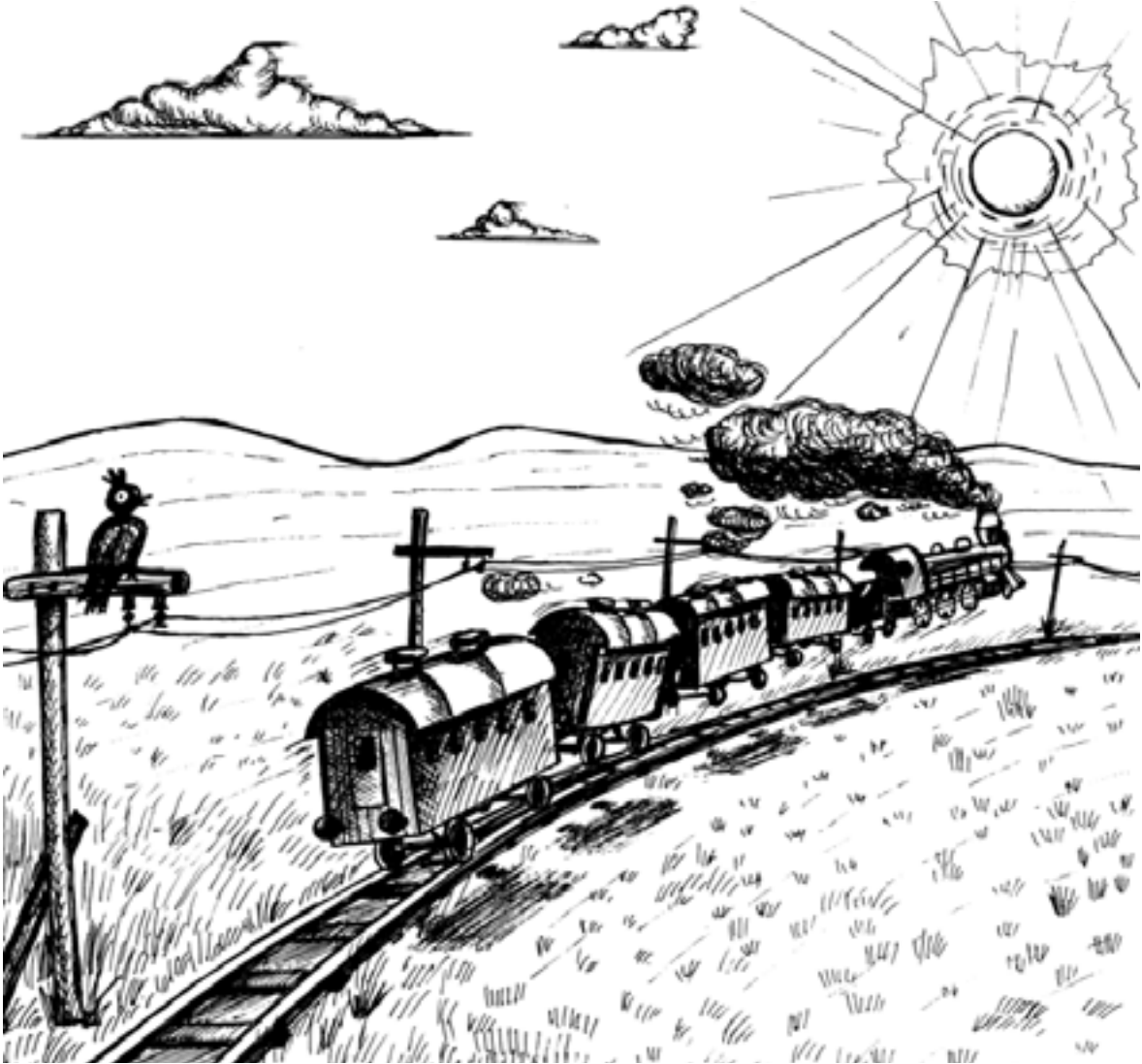
вырастет. Зато заметно менее водными станут Белгородская, Курская области, Ставропольский и Краснодарский край, Калмыкия.

«Климатический» плюс изменения климата для России — сдвиг зоны «холода» к северу. Геофизики говорят о сдвиге от 150 до 250 километров в районе Архангельска, Эвенкии, Сибири, Республике Саха, в Иркутской области и Хабаровском крае. Правда, такая «миграция» холода подогреет центр и юг страны, где летом будет особенно жарко.

Homo futurus

Опираясь на придуманные гаджеты и проявляя немного фантазии сумасшедшего изобретателя, мы можем предположить, как изменится человеческое тело под влиянием моды и технологий.

Скорее всего, на теле будет находиться монитор, изображение

на котором может меняться в зависимости от нашего настроения или внешнего вида. Футуролог Ян ПИРСОН считает, что вполне естественным для человека будет иметь несколько аккумуляторов, работающих на продовольствии. Активная кожа (active skin), пропитанная многочисленными чипами и другой бытовой электроникой (телефон, плеер, органайзер), будет возможностью организовать связь между человеческим телом и информационными мировыми сетями. Наличие такого «бортового компьютера» станет хорошим помощником человека. Медики смогут непрерывно контролировать состояние здоровья, а обмен информацией между людьми значительно упростится. Правда, есть и основательный минус — такой компьютер даёт безграничные возможности для контроля спецслужб.

Будущее — время вечных восторгов для модников и модниц. Кожа сама будет менять свой цвет и текстуру за счёт накожных наноструктур (например, оптическая дифракция — по такому принципу окрашены крылья бабочки). Встроенные в кожу нагреватели будут выпаривать именно тот запах, который требуется в данной обстановке.

Кроме технологичного интерьера человеческого тела нас ожидает не менее технологичный экстерьер. «Эмоционально отзывчивые» одежда и драгценности, видеотатуировки, спроецированные на нашу кожу, и прочие чудеса науки помогут человеку сохранить хорошее настроение в течение всего дня

(ведь ещё неизвестно, сколько часов будет в нашем рабочем дне).

Дефиле идеалов

В книжках советских писателей будущее разительно отличается от видения западных фантастов, и отечественный вариант мне всегда нравился больше. И дело даже не в достижении развитого коммунизма; просто там всегда и люди были добрее, и звёзды светили ярче, и Вселенная представляла необъятным полем для исследований природы и человеческого духа, а не полем для боя.

Шутка ли — земляне будущего не ведут захватнических войн и не ждуг, оцетинясь оружием, что из-за соседней луны выплывет грозный крейсер Чёрной империи. Здесь техника служит человеку, а человек — человечеству, в самом лучшем из смыслов этого выражения. У ребёнка развивают таланты, а не натачивают в навыках, и никому не придёт в голову топтать природу стальными сапожниками гермоскафандра.

Нет, это будущее — не хрустальная коробка, наполненная жидким гелием (единственной средой, которая, как известно, не подвержена флуктуациям)! Есть свои недостатки у общества и у людей, и чёрный крейсер, возможно, всё-таки притаился

эксплуатации Солнечной системы. Через несколько лет, если верить людям в белых халатах и перчатках, появятся долговременные поселения на Луне и Марсе, а исследование космоса станет не только научным, но и экономически выгодным предприятием.

Человеку, далёкому от коммерции, на первый взгляд может показаться, что в космосе и кормиться нечем. На самом деле, это не так.

Добыча и эксплуатация минеральных ресурсов планет и астероидов будет осуществляться роботами и астронавтами. Это позволит добытчикам (людям на лунных и марсианских базах) обеспечить своё существование и оправдать первоначальные затраты частных корпораций на организацию такого бизнеса.

На мой взгляд, эти мечты об экономически выгодном освоении космоса достойны иронии. Представьте, насколько разовьётся рекламный бизнес, специалисты которого начнут торить в масштабах Вселенной. Правда, баннеры «Наши роботы не воруют лунный никель» или «Самые низкие цены на марсианскую медь» вряд ли украсят орбиту Земли.

К великому сожалению, НЛО больше никогда не будут смущать умы и провоцировать споры. Потому что каждый летающий объект будет не только

опознан, но ещё и подписан: летающие тарелки «Луна инкорпорейтед» или фирменные ракеты «Газ, песок и вода со всех концов Вселенной».

Постепенно освоение космоса перейдёт из области геополитики и науки в область рынка и экономической рентабельности. Космос будет похож на вселенский супермаркет, в котором есть всё, что можно пожелать.

Из пробирки

Трудно сказать, чем будет заниматься наука в будущем: обыкновенному человеку не очень-то понятно и то, чем она занимается сегодня. Хотя по большому счёту каждое исследование призвано помочь человеку сделать наше будущее более приятным и менее болезненным.

В ближайшее время учёные планируют заняться проблемами регенерации человеческого тела. Уже сейчас удалось полностью восстановить сердце новорождённого мышонка, а исследователи Калифорнийского университета научились обращать вспять биологическое изнашивание человеческих мышц.

Скоро появятся растения, чутые которых к взрывчатым веществам будет превышать собачье: модифицированный естественный механизм защиты растений будет отвечать на раздражитель изменением цвета листьев. Тогда в аэропортах и вокзалах мы будем слышать объявления следующего характера: «Уважаемые пассажиры, проходите по одному через чувствительную рамку с геранью».

Каждый человек через 10-15 лет будет помогать научной мысли: учёные планируют использовать «гражданскую» электронику — телефоны, КПК, ноутбуки — для сбора научных данных. Сейчас НИИ вынуждены сооружать громадные сети сенсоров и отправляться в экспедиции, чтобы найти данные о климате, геологии, шумовом загрязнении городов... Исследовательская армия обывателей будущего позволит изучить окружающий нас мир по всем направлениям.

Семена грядущего

Мечта каждого эколога — автомобили, использующие вместо топлива воздух... или воду, а может, растительное и рапсовое масло. Машины на солнечных батареях, даже машины без всяких элементов питания, где основная сила, дающая энергию, — это человек, его управляющий.

Несмотря на то, что «воздухоходы» и «водомобили» давно уже изобретены, они всё ещё не являются нашим настоящим. И дело не только в саботировании подобных разработок автомобильными и нефтяными концернами.

Занимательное пособие по выживанию — план «А» — составили американские учёные. Эти ребята накидали список стратегически важных действий по борьбе за сокращение выбросов углекислого газа. И если у нас получится к 2056 году снизить темпы загрязнения атмосферы, то можно смело браться за выполнение плана «Б»: разработку и внедрение новых технологий, позволяющих получать электроэнергию, не выбрасывая углекислого газа в атмосферу. С точки зрения американцев, революционное будущее энергетики выглядит так. Ветровые электростанции, получающие энергию от самого мощного, высотного ветра. Космическое зеркало, расположенное на околоземной орбите, там, где солнце светит непрерывно и ярко. Микробиологическая энергетика, которая создаёт синтетические формы жизни. Это позволит людям вырабатывать энергию.

Собирая будущее по крупницам настоящего, нельзя не написать про то масштабное и основательное, что делает будущее немного знакомым — Интернет. Web-технологии говорят о появлении нового вида Сети — Web 3.0 (сейчас мы находимся на 2.0) — социальной экспертной структуре пользователей, которые сами создают продукт, сами его сертифицируют (например, в экспертных сообществах, отмечая то, что заслуживает внимания). Уже сейчас можно заметить зачатки этих механизмов — плюсы в репутацию и рейтинги. Скажем, я отлично разбираюсь в пуговицах. Обитая на путевом форуме месяцами, я заслуживаю репутацию эксперта, начинаю сама этот форум модерировать и задавать там моду. Получается, что сообщество само выращивает себе знатоков, наделяя их всё новыми полномочиями. Только от таких экспертов можно будет получить по-настоящему уникальную информацию, которую не найти так просто через поисковик.

С экономической точки зрения всё будет тоже устроено по-другому. В Web 2.0 контент создавался непрофессионалами, которые сами же его и потребляли. Никто никому ничего не платил. Web 3.0 — это стадия, на которой непрофессионалы будут получать деньги за Интернет-активность и сертификацию контента. Сегодня второй веб копил культурный капитал, запасае добро или всякий хлам, который выкладывают в Сеть. В будущем третий веб должен будет все это разобрать.

Есть в Интернете анекдот, что четвертый и пятый веб — это время, когда контент думает за пользователей, а шестой веб просто всех пользователей удалит в силу их бессмысленности.

На самом деле, будущее определено. Нашим отношением, нашими планами, нашими надеждами. «Сегодня» — это уже часть «завтра», которое вот-вот случится.

Ольга САВЧЕНКО

Рисунок Вадима КОВТУНА

В какую эпоху мы живём, читатель?

У всего, что нас окружает, есть срок годности. Телефоны и плееры, компьютерный и спортивный инвентарь, байки и автомобили — игрушки повзрослевших мальчиков и девочек — запрограммированы на скорый износ, и мы покупаем их, чтобы поменять через пару сезонов на новые и якобы «усовершенствованные».

Нас увлекает хоровод феерически бесполезных покупок: беспорядочно и жадно приобретаем одежду и предметы интерьера. Концерны, производящие косметику, сводят с ума, призывая пахнуть, как Джуд ЛОУ и Натали ПОРТМАН. Яблоком покатательского рая манит искушающий iPhone от «Apple». Ведомые неотвратимой и вездесущей рекламой, задевающей бессознательные глубины человеческого существа, мы погружаемся в материалистические грёзы. Мир вещей наступает, шурша многоцветным полимером упаковочных пакетов.

Шопинг давно перестал быть видом досуга и стал подобием религии. Сколько часов своей жизни вы тратите на паломничество по торговым центрам, чтобы поклониться D&G, MaxMara, Carlo Pazonini, Dior, Tom Tailor и приобщиться к миру «икон стиля»? Сколько раз в неделю милостивая девушка-консультант, жрица в брендовой униформе, под монотонный бит из динамиков эффектно вжикает вашей пластиковой картой и принимает наманикюрными пальчиками «жертвоприношения» банкнот? А десерты по цене комплексного обеда и кислородные коктейли, поглощаемые среди бутиков? Вот и причастие.

«Срок годности» появился у людей и человеческих отношений. Любовь, если кто не в курсе, теперь строят и перестраивают. Партнёров «прошлой коллекции» с лёгкостью меняют на «трендовых» френдов. Появились «пробники» семейных отношений — так называемые «гражданские браки». Детей — планируют, как годовой отчёт.

Философия потребления стала нашей новой действительностью. Для тех, кто выбирает синюю таблетку — дальнейший текст не представляет интереса. Тех, кто вздрагивает от абсурдности происходящего хотя бы иногда, — прошу за мной.

Художник Сергей ЛОШАКОВ преподаёт в Институте архитектуры и дизайна СФУ 30 лет. У него нет настоящей оборудованной мастерской, где можно вольно разместиť тубики масляных и акриловых красок, холсты, а главное — глину, материал габаритный и маркий, требующий наличия воды и элементарных санитарных удобств. Имени этого мастера не встретишь в авторитетных краевых и всероссийских изданиях. Но именно с ним я хочу вас познакомить.

Первое, на что натывается взгляд в аудитории, где работают студенты специальности «Изобразительное искусство», — расположенная на столе небольшая тёмная фигура, изображающая обезьяну, застывшую в узнаваемой позе рожденного «Мыслителя». Обезьяна показана сидящей на разбитом кувшине. Она задумчива вплоть до комически сжатых в замок пальцев задних лап. Жест забавен, чего не скажешь о выражении хм... обезьяньего лица.

— Сергей Евгеньевич, почему вдруг такой образ? В ваших картинах, скульптурах, декоративных панно встречаются мотивы космических процессов, музыки и женственности, любви и материнства, прекрасного природного начала. Вы пишете пейзажи, натюрморты, экспериментируете с цветом. Откуда появился образ примата?

— Начнём издалека. Думаю, основной темой моего творчества является выстраивание гармоничных отношений человека и природы, поиск равновесия. Меня волнует эволюция, развитие жизни на Земле, как в духовном, так и в материальном плане.

Есть гипотеза «Большого взрыва», некоторые учёные склоняются к идее инопланетного «заражения» нашей планеты жизнью. В своё время я делал в Культурно-историческом центре инсталляцию, где визуализировал некие космологические догадки: там было гнездо из колючей проволоки, в нём — пять яиц. Пять — неустойчивое число, имеющее потенциал развития. Одно яйцо упало. Появилась динамика. Новое состояние вещества. И жизнь. Конечно, яйцо здесь — знак, часть художественного языка. Именно оно оказалось символом творческого начала.

Вообще, мне сложно говорить об искусстве словами. Оно вызывает к визуальному мышлению — мышлению образами.

— Что для вас искусство?

— Способ познания мира, разумеется. Первое, что сделал первобытный человек, пытающийся осмыслить своё место во Вселенной и найти устойчивую систему координат — рисунок природными пигментами на стенах пещеры. Это и были первые «фразы», тексты зарождающегося человеческого сознания. То ли человек мечтал, что убьёт нарисованное животное, то ли фиксировал уже случившееся — было ли это «сочинением» или «изложением» фактов близко к теме?

- ➔ «Материнство»
- «Раздумье»
- ↓ Из цикла «Мелодии пространства» — «Колокола»
- ↙↘ В мастерской

— И возвращаясь к нашей обезьяне...

— Скажем, что это действительно реплика на творение Огюста РОДЕНА И затрагивает она серьёзные темы: наше отношение к природе, пятидесятилетний опыт общения человека с космосом. Можно сказать, это произведение — итог моих размышлений по поводу празднования юбилея полёта Ю. ГАГАРИНА.

Люди — самые неблагодарные дети этого мира. Они единственные уничтожают то, что даёт им жизнь. Особенно огорчают учёные. Безразоственный учёный манного страшнее безразоственного дурака. Я недоумеваю, куда исчезла этика учёного сообщества? Почему происходящие

в мире техногенные катастрофы не приводят этот мир в чувство? Учёный играет с атомом, вторгается в код нашей планеты, не задумываясь о последствиях. Его интерес не имеет сдерживающих предохранителей.

— Это изъян исключительно «научного» сознания?

— Наверное, нет. Мне кажется, это свойство сознания современного человека. Представьте тёмную комнату: вы входите, а вместе с вами — пробивается тонкий луч света. Начинают смутно проступать контуры предметов. Появляются приблизительные представления о том, что находится вокруг. Дверь открывается чуть шире, ещё и ещё — вы видите вещи всё более и более ясно...

И вдруг вам в лицо бьёт поток света, равный излучению маяка: всё, вы ослеплены — распахнутая настужа комната теряет все контуры и очертания. Всё тонет в белом.

Люди — маргинальны, пограничны, мы не видим ни в полной тьме, ни в абсолютном потоке света. Наша участь — постоянное «настраивать» калейдоскоп,

имя тому, что делаю, но не пытаюсь подстроиться под уже сложившийся канон. Не хочу брать чужую форму изложения, пытаюсь найти свою. Я работаю в скульптуре и графике, в декоративно-прикладном искусстве, занимаюсь живописью, несколько раз выступал в качестве дизайнера помещений, в 80-е иллюстрировал книги по заказу кемеровских и иркутских книжных издательств. Шестнадцать иллюстраций к «Фаусту» ГЁТЕ, восемь иллюстраций к «Полющим в терновнике» К. МАККА-ЛОУ. Это не зазорно. Это поиск, осознание своего пути.

— Если я верно поняла, вас интересует в первую очередь созидательное, творящее начало природы и человека.

— Конечно. Взгляните: природа находится в состоянии постоянного кропотливого созидания: оптимизирует виды живых организмов, ищет, варьирует формы общественного устройства. Есть же муравейник. Матриархальный пчелиный улей. А есть человеческий социум — самый жестокий и правящий Землёй в настоящее время. Сей-

маневрировать между крайностями, пробовать горькое, чтобы узнать вкус сладкого. Мы так устроены. Поэтому, видимо, так сложно требовать от тех же учёных ответственного, опережающего отношения к миру. Мы — не Свет и не Тьма. Мы — контрастны.

— Истинному художнику свойственно быть философом.

— Да. Художник вообще человек чувствующий. Не чувствительный в плане «ой, мне холодно, ай, я ушиб руку», а именно чувствующий. Остро переживающий события душевного, духовного плана. Слишком сильные переживания могут его убить.

— Вы относите своё творчество к одному из ныне существующих течений?

— Ни в коем случае. Я ищу

сил идти вперёд. Человек создан мыслящим, чтобы уметь рефлексировать прошлое, делать выводы и жить в настоящем. Только так.

Ошибка советской империи была в попытке торопить, искусственно «притягивать» будущее. Несколько поколений оказалось загублено погоней «пятилеток». Табун лошадей нёсся по равнине за вожаком, а тот, даже видя, что впереди обрыв, продолжал бежать по инерции. Страшно.

— А что происходит с нашим обществом сейчас?

— Мы пытаемся равняться на европейские ценности и становимся прагматиками: доминанта общественного сменилась доминантой межличностных отношений, мы снова обернулись к семье, к камерному домашнему миру. Это хорошо и плохо одновременно: государство оказалось заброшенным — каждый гражданин озабочен исключительно благом своим и своих близких.

— Если уж речь зашла о подержании семьи — вы продаете свои работы? У художника ведь нет принципиально иных путей заработка.

— Действительно, нет, хотя мне повезло быть ещё и преподавателем. Работы продаю. Был период, когда мне не на что было купить краски, и я отдавал свои картины за копейки.

— Больно?

— Больно. Работы бывают разные. Есть такие, которые пишутся долго и мучительно, их приходится отрывать от себя по живому.

— Мне запомнилась ваша работа, где планеты представлены в образах младенца Христа и Богородицы.

— За эту работу меня бы сожгли веке в шестнадцатом. Там и авангардные поиски в духе В. КАНДИНСКОГО и К. МАЛЕВИЧА и вечный, терзающий меня вопрос: кто раньше — курица или яйцо. Только представьте — Мария родила Иисуса, а он — Бог, создавший всё. Без созидательной сущности матери рождение невозможно. И всё же, кто из этих двоих был раньше? И ещё, меня волнует тема материнства: любовь матери — это максимум Любви. Её абсолютное выражение на Земле. Чистая энергия без примеси страстей.

— Действительно, вечная тема. Как насчёт достижений современности, призванных облегчить нашу жизнь? Феномен искусственного интеллекта — разве не удивительно?

— Удивительно. Но я против безостановочной компьютеризации. Меня учили чистописанию в своё время: пальцы призывали управлять ручкой и чернилами. Развитие двигательной моторики развивало мозг: тренировало речь, визуальное и символическое восприятие, пробуждало элементарную логику. Сейчас ребёнку достаточно одного пальца, чтобы набивать сообщения на клавиатуре. Что-то собственно человеческое, сакральное из процесса создания текста ушло. Только представьте, сколько творчески мыслящих, да и просто интеллектуальных людей мы потеряем из-за типовых пластиковых гаджетов.

И потом, случись сбой во Всемирной сети — выйди из строя «умные» машины — это чревато коллапсом. И если так произойдёт, мы снова вернёмся в это вот состояние (показывает на скульптуру обезьяны). Нужно будет всё начинать сначала. Видите треснутый кувшин? Это состояние пушкинской старухи у разбитого корыта.

Почему именно обезьяна? Ну, позволим себе похулиганить: предположим, что это и был тот самый типичный вид, которому уже неоднократно «вживляли» ген эволюционного развития. Кто? Ну, скажем, более развитые цивилизации.

— Можете назвать «экспериментатора»? Какова ваша версия?

— Нет, не могу. Человеку не дано знать абсолютную Истину. Только правду: то, что ему и группе сторонников кажется «правильным». Правд — их очень и очень много. Цивилизации Индии, Китая, Египта казались грекам «перенесёнными» откуда-то, пребывавшими изначально в «готовом» состоянии. Возможно, так оно и было. В любом случае, моя задача как художника — попросить или даже заставить вас, зрителей, задуматься.

Татьяна МОРДВИНОВА